
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ЖЕНИХЪ ИЗЪ ЧИГРИНА.

КОМЕДІЯ ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧ. И. ТИТОВА.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7.
1868.

Дозволено цензурой. Москва. Августа 8 дня 1868 г.

Эта комедія, написанная мною *въ августѣ 1866 года* и тогда же читанная отрывками въ нѣсколькихъ домахъ, осталась бы вѣроятно заключенною на вѣки у меня въ картонѣ; но, уступая убѣжденіямъ многихъ знакомыхъ, я рѣшился напечатать ее въ небольшомъ числѣ экземпляровъ и передать на судъ безпристрастныхъ читателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Надежда Николаевна Залѣсина, молодая вдова 20-ти лѣтъ.

Марья Павловна Подолинская, ея другъ съ самаго пансіона.

Александръ Михайлычъ Швейковской, чигринской помѣщикъ 28-ми лѣтъ.

Ѳедоръ Лукичъ Мелезинъ, пріѣзжій изъ Петербурга, дальній родственникъ графини, безъ малаго 20-ти лѣтъ.

Иванъ, слуга } графини.
Даша, горничная }

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ). Театръ представляетъ со вкусомъ убранную гостиную у графини. При поднятіи занавѣса, графиня одна; звонитъ, входитъ Иванъ.

Графиня.

Иванъ, я сегодня никого не принимаю кромѣ Марьи Павловны Подолинской; ты одинъ ее знаешь у меня, постарайся не отлучаться изъ передней до ея пріѣзда.

Иванъ.

Слушаю ваше сіятельство (уходитъ).

Графиня.

Я увижусь съ Мери, право не вѣрится. Легко сказать: три года въ разлукѣ и какъ кстати она пріѣхала въ Москву въ то самое время, какъ мнѣ нужно посовѣтоваться съ нею (слышенъ стукъ кареты, которая останавливается у дома). Она?... (подбѣгаетъ къ открытому окну). Такъ и есть; вотъ она выходитъ изъ кареты, Мери!... (посылаетъ ей поцѣлуй). Она все такъ же хороша, а у меня впали глаза и щоки поблѣднѣли, а все отъ любезнаго дядюшки.

ЯВЛЕНІЕ II.

Графиня и Марья Павловна.

(Марья Павловна входитъ поспѣшно, графиня бросается къ ней на встрѣчу и обнимаетъ ее).

Графиня.

Мери! милая Мери, наконецъ-то ты возвратилась. Вчера еще не ждала себѣ этой радости. Я вовсе стосковалась, не зная ничего о тебѣ; да хороша и ты: оставлять меня столько времени безъ извѣстій о себѣ.

Марья Павловна.

Что жъ дѣлать мой другъ, ты знаешь какъ я ненавижу всякую переписку; любить тебя никогда не перестану, но впередъ говорю, писемъ отъ меня не жди. Впрочемъ, я написала къ тебѣ одно письмо, послала его съ наемнымъ лакеемъ на почту, да видно онъ не отдалъ.

Графиня.

Давно-ли изъ-за границы?

Марья Павловна.

Только-что пріѣхала въ Петербургъ, пересѣла въ другой вагонъ, и вотъ я здѣсь.

Графиня.

А какъ тебѣ жилось тамъ, что было съ тобою?

Марья Павловна.

Да что, я была счастлива, довольна своею судьбой; мужъ глядѣлъ мнѣ въ глаза, не зналъ какъ угодить, итакъ обо мнѣ нечего толковать, а лучше разскажи мнѣ про себя.

Графиня.

О! на мою долю много выпало горя въ это время, когда ты уѣзжала изъ Москвы, чтобъ отправиться за границу, я только-что вышла замужъ; судьбѣ моей еще некогда было обозначиться. Мужъ мой, какъ ты знаешь, былъ настоящій аристократъ: ловокъ, увѣренъ въ себѣ, любезенъ и уступчивъ въ обществѣ; всѣ его считали добрякомъ и я раздѣляла это мнѣніе; но какъ скоро я вышла изъ заблужденія! Не прошло и мѣсяца послѣ свадьбы какъ ужь начались ссоры между нами; несогласіе наше усиливалось съ каждымъ днемъ; я увидѣла, что онъ никогда не любилъ меня, а женился такъ.... чтобъ завестись сидѣлкой для будущихъ недуговъ,

которые не замедлили придти. Хоть ему не было еще и пятидесяти лѣтъ, но бурная жизнь, цѣлыя ночи, проснженныя за картами, отозвались на немъ; у него открылась подагра и еще, Богъ знаетъ, сколько болѣзней. Мнѣ пришлось за нимъ ухаживать, забавлять его и сносить его капризы. Послѣ двухъ лѣтъ такой жизни для меня, мой мужъ умеръ. Теперь-то, подумала я, мнѣ можно будетъ насладиться жизнію; я не закабалю себя въ другой разъ, останусь вѣкъ вдовою. Но тутъ, какъ нарочно, явился мнѣ новый гонитель въ лицѣ моего дядюшки.

Марья Павловна.

Какъ, твоего дядюшки? Да онъ такъ тебя любитъ.

Графиня.

Да, онъ любитъ меня, но по своему. Ему весело видѣть меня разряженною, онъ гордится моими успѣхами въ свѣтѣ, знаетъ, что ищутъ и въ немъ по моей же милости.... Эгоизмъ и тщеславіе,—вотъ его любовь. Слушай дальше и ты согласишься, что онъ очень дурно меня любитъ. Но прежде всего надо тебѣ сказать, что графъ былъ совсѣмъ не такъ богатъ какъ думали. По смерти его оказалось на немъ множество долговъ. Отовсюду явилось столько кредиторовъ, что, для удовлетворенія ихъ, принуждены были продать съ молотка графскія помѣстья и домъ. Изо всего этого мнѣ очистился очень скромный капиталъ, съ которымъ бы я недалеко ушла; но мой дядя, богатый и прежде и еще больше разбогатѣвшій въ послѣднее время, не отказываетъ мнѣ ни въ чемъ. Однажды (вскорѣ послѣ кончины моего мужа) онъ объявилъ мнѣ, что хочетъ поговорить со мною серьезно: душа моя, сказалъ онъ мнѣ, вотъ ты теперь вдова и.... очень молодая вдова; а это никуда не годится и ты не можешь остаться въ этомъ положеніи. Тѣ, которые будутъ искать руки твоей, получивъ отъ тебя отказъ, сдѣлаются твоими врагами; нѣтъ злословія, котораго они не пустятъ въ ходъ; они взведутъ на тебя разныя небылицы, всячески постараются очернить тебя, итакъ, тебѣ нуженъ защитникъ, а я имъ быть не могу; ты знаешь, что мои дѣла по откупамъ требуютъ часто моего присутствія въ самыхъ дальнихъ губерніяхъ. Что̀ жь дѣлать въ этомъ случаѣ? Вотъ тебѣ мой совѣтъ: когда пройдетъ твоя первая горесть (а я не думаю, чтобъ она слишкомъ тебя мучила), ты станешь выѣзжать въ свѣтъ и тамъ пріискивай себѣ добрую, надежную партію, такъ чтобъ все было готово, когда ты скинешь трауръ.

Марья Павловна.

Что̀ жь ты ему отвѣчала на это?

Графиня.

Дядюшка, вы не сомнѣваетесь, что я умѣю цѣнить вашу дружбу, но скажу вамъ откровенно, что независимость для меня всего дороже на свѣтѣ; я ужь отвѣдала супружеской жизни и не намѣрена подвергать себя опять этому блаженству: вы сами были свидѣтелемъ моихъ радостей. Впрочемъ, я не говорю.... найдись такой человѣкъ, который, изъ любви ко мнѣ, согласился бы отказаться отъ собственной воли, не будь онъ только уродъ, я выйду за него. Тутъ старикъ мой разгнѣвался, проворчалъ цѣлый часъ и кончилъ объявленіемъ, что онъ не только лишитъ меня наслѣдства, но теперь же совершенно отступится отъ меня; на этомъ мы разстались. Онъ въ тотъ же день уѣхалъ по своимъ дѣламъ. Вотъ ужь восемь мѣсяцевъ какъ его нѣтъ здѣсь; въ это время онъ писалъ ко мнѣ изрѣдка по нѣскольку строкъ, какъ, три дня тому назадъ, я получила отъ него изъ Чигрина очень длинное и вовсе не радостное письмо, которое я тебѣ прочту (идетъ къ боковымъ дверямъ и кличетъ: Даша.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Даша.

Марья Павловна.

А! старая знакомка, Даша, поди милочка поцалуй меня. А ты все хорошѣешь; не замужемъ еще?

Даша.

Нѣтъ, Марья Павловна, да и не думаю выходить, я, слава Богу, еще не стара. Къ чему жь торопиться, когда мнѣ такъ хорошо у графини.

Марья Павловна.

И дѣло, душенька.

Графиня.

Принеси мнѣ, Даша, мою маленькую шкатулку, которая на комодѣ.

(Даша уходитъ).

Марья Павловна.

Видно это письмо, которое такъ тебя встревожило, очень грозное. Я воображаю, что брюзгливый старикъ далъ волю своему перу и наговорилъ тебѣ опять кучу непріятностей.

Графиня.

Хуже того, моя милая; онъ пріискалъ мнѣ жениха.

Марья Павловна.

Гдѣ? въ Чигринѣ?

Графиня.

Именно; каково тебѣ кажется?

(Даша приноситъ шкатулку; графиня вынимаетъ изъ нее письмо, запираетъ ее и отдаетъ Дашѣ, дѣлая ей знакъ рукою, чтобъ она ее унесла).

Теперь слушай и дивись затѣямъ моего неоцѣненнаго дядюшки. «Любезная племянница, я давно ужь дуюсь на тебя, но наконецъ не вытерпѣлъ и возвращаюсь къ прежнимъ дружескимъ отношеніямъ между нами; тѣмъ болѣе, что у меня есть кой о чемъ «поговорить съ тобою. Ты знаешь, что вотъ ужь два мѣсяца какъ «я живу въ Чигринѣ, вовсе незабавномъ городкѣ Кіевской губерніи; дѣла мои не такъ занимаютъ меня, чтобы не оставляли «мнѣ времени умирать со скуки. Я не зналъ куда приклонить «голову, какъ столкнулся нечаянно съ однимъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ Александромъ Михайлычемъ Швейковскимъ; мы съ «нимъ подружились и съ тѣхъ поръ были почти неразлучны; но «на бѣду, или, лучше сказать, къ моему счастью, онъ черезъ два «дня ѣдетъ въ Москву. Это человѣкъ лѣтъ подъ тридцать. Не «стану тебѣ говорить о его наружности, дуренъ ли, хорошъ ли «онъ—сама увидишь; но постараюсь описать какъ можно вѣрнѣй «его нравственныя качества. Начну съ того, что онъ очень богатъ; а это, по моему, тоже относится нѣсколько къ нравственности; вдабавокъ у него прекрасная душа, онъ рѣдкихъ правилъ, «его честность и прямодушіе здѣсь признаны всѣми. Есть еще «за нимъ одно качество, которое вѣрно придётъ тебѣ по сердцу: «онъ тихъ и уступчивъ до неимовѣрной степени; кажется онъ не «можетъ жить безъ того, чтобъ не имѣть надъ собой наставника «и руководителя; до сихъ поръ, за неимѣніемъ другаго, его уп-

«равляющій дѣлалъ изъ него что̀ хотѣлъ. Еслибъ вы понравились «другъ другу, что̀, признаюсь, было бы для меня большою ра«достью, то ты могла бъ осуществить свои мечтанія; ты имѣла бы «мужа, который ужь точно бы плясалъ по твоей дудкѣ. Я долженъ «однако сознаться, что у него есть и недостатки. Во-первыхъ, онъ «не изъ тѣхъ, которые кружатъ головы женщинамъ; постоянный «житель Чигрина, онъ одѣвается по-чигрински, то-есть: очень «плохо; имѣя достаточную долю здраваго смысла, онъ не блеститъ «ни остротой ума, ни велерѣчіемъ; отъ излишней застѣнчивости, «онъ можетъ даже иногда показаться глупымъ и рѣшительно не«ловокъ въ обществѣ; но застѣнчивость такой недугъ, отъ кото«раго большой свѣтъ вылѣчиваетъ въ короткое время, итакъ объ «этомъ заботиться нечего. Но на все это ты можешь мнѣ ска«зать, что я даромъ трачу мое краснорѣчіе, что, можетъ быть, «г. Швейковской не обратитъ на тебя вниманіе, что онъ привезетъ «тебѣ рекомендательное письмо, которое я съ нимъ посылаю, по«сидитъ съ полчаса, уѣдетъ, и былъ таковъ. Нѣтъ, душа моя, не «ожидай этого: ты отъ него такъ дешево не отдѣлаешься, потому «что онъ ужь въ тебя влюбленъ. Вчера я показалъ ему твой «портретъ; онъ долго смотрѣлъ на него, правда, ничего не ска«залъ, но смотрѣлъ такими глазами, которые я знаю и какіе бы«вали у меня самого лѣтъ двадцат тому назадъ, когда я могъ «еще влюбляться. Къ тому же, черезъ часъ послѣ этого, онъ, ко«торый никогда не упоминалъ о Москвѣ, вдругъ объявилъ мнѣ, «что у него встрѣтились тамъ экстренныя дѣла и что онъ дол«женъ немедленно туда ѣхать. Итакъ, онъ влюбленъ въ тебя; «это безспорно. Надѣюсь, что, по дружбѣ ко мнѣ, ты его примешь «хорошо и пригласишь бывать у тебя; а ты между тѣмъ поста«райся узнать его покороче, обдумай зрѣло свою будущность, пойми «всѣ выгоды, которыя можетъ тебѣ доставить такое замужство, и «скажу опять: не упускай случая. Если у васъ дѣло пойдетъ на «ладъ, то не замедли меня увѣдомить». Что̀ ты скажешь объ этомъ посланіи?

Марья Павловна.

Милая моя, я скажу, что врядъ ли мы на этотъ разъ поладимъ съ тобою. Есть вещи, на которыя мы смотримъ съ различной точки зрѣнія. Ты любишь властвовать, повелѣвать, я, напротивъ, поставляю мое счастье въ томъ, чтобы повиноваться мужу; правда, онъ ничего, кромѣ дѣльнаго, отъ меня не требуетъ; но мнѣ кажется,

что еслибъ онъ и не былъ такъ любезенъ со мною, я всё бы не имѣла духу идти противъ него: мнѣ, какъ твоему Швейковскому, нуженъ покровитель. Впрочемъ, почёмъ знать? И этотъ человѣкъ, который такъ уступчивъ въ обыкновенной жизни, можетъ имѣть въ важныхъ случаяхъ ту твердость характера, которая необходима для отца семейства. И такъ, послѣдуй совѣту твоего дядюшки; узнай хорошенько его любимца, взвѣсь его качества и недостатки; пуще всего спросись у своего сердца и рѣшайся, не думая о томъ, какъ свѣтъ будетъ судить о твоемъ выборѣ: свѣту дѣла нѣтъ до нашего счастія. Я, съ моей стороны, на сколько меня станетъ, не откажу тебѣ въ совѣтахъ (вхо́дитъ Иванъ).

Иванъ.

Ваше сіятельство, пришолъ человѣкъ отъ какого-то Швейковскаго. Его господинъ приказалъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, приказалъ доложить, что онъ привёзъ вамъ письмо отъ вашего дядюшки и спрашиваетъ: когда будетъ угодно вашему сіятельству его принять.

Графиня.

Вели сказать, что я сегодня весь день буду дома.

(Иванъ уходитъ).

Вотъ, можно сказать: легокъ на поминѣ. Ну, Мери, приготовься, мы сегодня же начнемъ наше испытаніе.

Марья Павловна.

Не думаю, чтобъ мнѣ привелось сегодня сойдтиться съ нимъ у тебя. Я должна сейчасъ ѣхать къ себѣ: у насъ въ домѣ перестройка, и мужъ просилъ меня повѣрить счеты и увѣдомить его хорошо ли идетъ работа. Потомъ мнѣ нужно будетъ съѣздить въ ряды и завернуть кой къ кому изъ моихъ знакомыхъ. Но, если хочешь, я буду обѣдать съ тобою.

Графиня.

И прекрасно; я жду тебя въ пятомъ часу, а если мой гость побываетъ у меня въ это время, то разскажу тебѣ всѣ подробности нашего свиданія.

Марья Павловна.

Прощай же покуда.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Графиня и потомъ Даша.

(Графиня садится и разсѣянно складываетъ письмо своего дяди, Даша выходитъ изъ боковыхъ дверей и подкрадывается сзади къ графини).

Даша.

А! Барыня, барыня! Такъ-то вы изволите таиться отъ меня. У васъ заводится женишокъ, а вы мнѣ ни полслова объ этомъ.

Графиня.

Негодница, ты подслушивала?

Даша.

Чтȯ жъ дѣлать графиня? На то у насъ и уши, чтобы слушать чтȯ говорятъ.

Графиня.

Вотъ видишь ли, Даша, я ничего отъ тебя не скрываю и про это хотѣла разсказать, да все откладывала съ часу на часъ; дядюшкино письмо такъ озадачило меня, что, право, мнѣ было не до разговоровъ; а скажи по совѣсти, ты не очень была бы рада, еслибъ я вышла замужъ?

Даша.

По чему жъ? мнѣ все равно. Лишь были бы вы счастливы, да не отсылали меня отъ себя.

Графиня (взглянувъ на стол. часы).

Ахъ! ужь второй въ исходѣ, а я еще не одѣта. Я причесана, стало-быть ты мнѣ не нужна: Настя поможетъ мнѣ одѣться, а ты покуда побудь здѣсь и, если пріѣдетъ нашъ Чигринецъ, то прими и займи его; про меня скажи, что я выду сейчасъ, какъ скоро допишу письмо, а то онъ, пожалуй, подумаетъ, что я для него наряжаюсь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Даша (одна смотритъ вслѣдъ за графиней).

Славная у меня барынька, умна, добра, вовсе не скупа со мною, а надо сказать, и у ней пропасть причудъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Даша и Иванъ (выглядываетъ, приотворивъ дверь).

Дарья Никифоровна, вы однѣ. Можно съ вами перемолвить словечко.

Даша.

Ну, что̀ тебѣ надо?

Иванъ (подойдя къ Дашѣ).

Да что̀? все тоже; смерть хочется поглядѣть на васъ; тѣмъ только и живу. Вы ужь знаете какъ я васъ люблю; день-денской объ васъ только и думаю, по ночамъ не сплю, пищи вовсе лишился....

Даша.

Пищи-то можетъ быть, да только не питья, потому что отъ тебя иногда ужасно несетъ водкой.

Иванъ.

Что̀ жь дѣлать? съ горя по неволѣ выпьешь лишнюю чарочку. Эхъ! Дарья Никифоровна, побойтесь Бога; за что̀ вы мучите меня? взгляните-ка, на кого я похожъ? ужь я не разъ заговаривалъ съ вами, что очень, дескать, желаю вступить съ вами въ законный бракъ. Да вы ничего не отвѣчали. Ни приказу, ни отказу отъ васъ не было; а чѣмъ я не женихъ, почему бы вамъ брезгать мною? Малой я акуратной, деньжонки у меня водятся, ни въ чемъ не замѣченъ,—а ужь какъ бы лелѣялъ-то васъ! не то что слово бы сказали, чуть мигнули бы глазкомъ, такъ я бы за васъ полѣзъ и въ огонь, и въ воду.

Даша.

Ну, въ воду-то не думаю, говорятъ ваша братья терпѣть не можетъ воды.

Иванъ.

Да, вамъ бы только трунить да подсмѣивать,—спросите: мнѣ-то каково; а вы ужь лучше смилуйтесь-ка надо мной, да скажите порядкомъ: хотите ль за меня идти и когда намъ свадебку сыграть.

Даша.

Погоди, завтра скажу.

Иванъ.

Покорно благодаримъ-съ; что насъ завтраками-то подчивать: мы ужь позавтракали.

Даша.

Вишь какой нетерпѣливый, не дастъ вздохнуть, сей часъ ему и отвѣчай. Ну такъ, вотъ что̀ я тебѣ скажу: ты еще молодъ, мой дружокъ, что всего-то тебѣ годочковъ какихъ-нибудь сорокъ, ну хоть бы и съ хвостикомъ; можешь подождать. Если черезъ три года я буду еще въ дѣвкахъ, такъ выду за тебя.

Иванъ.

Видно нашей свадьбѣ быть на томъ свѣтѣ.

Даша.

Тс.. слышишь, звонятъ; это вѣрно пріѣхалъ нашъ чигринскій гость; бѣги скорѣй отпереть ему и проведи сюда.

Иванъ.

Да скажите жь.....

Даша.

Бѣги, бѣги (Иванъ уходитъ). Посмотримъ, что за гусь къ намъ прилѣтелъ изъ Чигрина (поправляется передъ зеркаломъ, но, послышавъ шаги въ ближней комнатѣ, отходитъ отъ него).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Даша и Швейковской.

(Онъ одѣтъ опрятно, но чрезвычайно не ловко и, расшаркиваясь самымъ неуклюжимъ образомъ, подходитъ къ Дашѣ).

Швейковской.

Позвольте спросить, сударыня, вы не сестрица ли графини?

Даша.

Нѣтъ, сударь, я только ея помощница—при туалетѣ, или, коли хотите, ея горничная.

Швейковской.

Ахъ извините, сдѣлайте одолженіе, что я ошибся.

Даша.

Ничего, сударь, не безпокойтесь; я не обидчива. Еслибъ вы назвали меня и княжной, я право не осерчала бы на васъ.

Швейковской.

Боюсь, не обезпокою ли графиню. Мнѣ здѣшніе обычаи не извѣстны; можетъ быть это не часъ для утреннихъ визитовъ.

Даша.

Нужды нѣтъ, сударь, она выдетъ сей часъ, только кончитъ письмо; а вы, сдѣлайте милость, присядьте покуда (Швейковской садится).

Даша (въ сторону).

Онъ бы не дуренъ собой, но какъ одѣтъ! мѣшокъ мѣшкомъ, и походка какая! ну, просто, необлизанный медвѣдь. (Вслухъ) А вотъ и графиня.

(Швейковской вскакиваетъ и опрокидываетъ стулъ на которомъ сидѣлъ, Даша, поднявъ его, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Швейковской и Графиня.

(Швейковской подходитъ къ графинѣ съ такими же поклонами, какъ и прежде).

Ваше сіятельство, честь имѣю рекомендовать себя, я чигиринскій помѣщикъ Швейковской; у меня есть къ вамъ отъ дядюшки письмо (вынимаетъ изъ боковаго кармана письмо, завернутое въ бѣлой

носовой платокъ, развернувъ которой, подаетъ письмо графини). Вотъ-съ.

Графиня.

Очень рада, что это мнѣ доставляетъ случай познакомиться съ вами. Вы позволите?

Швейковской (кланяется).

Графиня (пробѣжавъ письмо).

Дядюшка мнѣ пишетъ, что онъ съ вами очень друженъ и много хорошаго говоритъ объ васъ; это ужь сближаетъ насъ съ перваго раза. Не угодно ли? (показываетъ ему на кресло и садится сама). Вы прежде никогда не бывали въ Москвѣ, Александръ Михалычъ?

Швейковской.

Извините, ваше сіятельство, два года тому назадъ, я пріѣзжалъ сюда, хотѣлъ - было здѣсь пожить, да уѣхалъ черезъ пять дней

Графиня.

Стало-быть Москва вамъ не понравилась.

Швейковской.

Нѣтъ не Москва, а московская жизнь, признаюсь, вовсе мнѣ пришла не по сердцу.

Графиня.

Это очень понятно: въ такомъ городѣ, какъ нашъ, гдѣ мало публичныхъ увеселеній, пріѣзжему скучно жить, когда у него нѣтъ знакомыхъ.

Швейковской.

Но со мной были рекомендательныя письма, которыя могли мнѣ доставить знакомства, стоило только ихъ развесть; да тутъ-то и вышла бѣда: знакомые-то и выжили меня отсюда.

Графиня.

Какъ же это? любопытно узнать.

Швейковской.

Вотъ, бывало, соберёшься съ духомъ; отправишься развозить письма; пріѣдешь въ какой-нибудь домъ, но лишь только подходишь къ гостиной, а ужь у тебя замерло сердце; войдёшь, со всѣмъ остолбенѣешь. Передъ тобою столько глазъ и всѣ эти глаза такъ кажется и хотятъ разобрать тебя по нитки. Кое-какъ подойдешь къ хозяйкѣ, проборможешь что-нибудь, сядешь и не только не говоришь (гдѣ ужь тутъ взять словъ)! но даже не понимаешь о чёмъ толкуютъ вокругъ тебя. Радъ бы радёхонекъ улизнуть, да страхъ беретъ: будутъ смотрѣть какъ ты встанешь, какъ раскланяешься, какъ выдешь изъ комнаты, просто мученье да и только. Стыдно сказать, а по мнѣ, графиня, лучшее занятіе: ничего не дѣлать и ни о чемъ не заботиться.

Графиня.

Нельзя же однако вѣкъ прожить безъ заботъ; и въ Чигринѣ, гдѣ, какъ мнѣ пишетъ дядюшка, вы первое лицо, у васъ есть тоже свѣтскія обязанности, отъ которыхъ вы не можете уклониться.

Швейковской.

Нѣтъ, тамъ я не стѣсняю себя, и давно ужь пересталъ ѣздить въ общество.

Графиня.

Но у васъ имѣнье: надъ нимъ нуженъ надзоръ; опять тоже хлопоты.

Швейковской.

Это не по моей части: мой управляющій завѣдываетъ всѣмъ. Слава Богу еще, что попался честный человѣкъ; другой бы обобралъ меня, а этотъ только надоѣдаетъ; то-и-дѣло, что пилитъ меня, злодѣй, за мою безпечность; да я ужь свыкся съ его характеромъ. (Помолчавъ) А сказать ли вамъ, графиня, что̀ мнѣ сей часъ пришло на мысль? видите ли, я дивился самому себѣ. Нѣтъ еще и четверти часа какъ я узналъ васъ, и Богу одному извѣстно, съ какимъ страхомъ я ѣхалъ сюда; а вотъ мы теперь разговариваемъ съ вами; вы спрашиваете, я въ первый разъ отъ роду отвѣчаю съ удовольствіемъ и все идетъ какъ нельзя лучше между нами, а отчего? Оттого, что вы однѣ, да и своимъ добрымъ, радушнымъ прі-

емомъ такъ ободрили меня, что мнѣ стало легко, какъ будто я зналъ васъ цѣлый вѣкъ; а будь здѣсь посторонніе, вы увидѣли бъ какихъ бы я надѣлалъ чудесъ.

Графиня.

Стало-быть въ васъ эта вражда къ свѣтскимъ обязанностямъ не столько происходитъ отъ лѣни, сколько отъ застѣнчивости, а говорятъ, что подъ нею часто скрывается огромное самолюбіе.

Швейковской.

О нѣтъ, вотъ ужь я никакъ не самолюбивъ. Да и чѣмъ бы я сталъ гордиться? я именно отъ того-то и теряюсь, что чувствую какъ я жалокъ и смѣшонъ въ обществѣ.

Графиня.

Но, при уединеніи, на которое вы добровольно обрекли себя, у васъ есть, по крайней мѣрѣ, тѣ склонности, тѣ привычки, которыя помогаютъ сносить его?

Швейковской.

Какія же это, графиня?

Графиня.

Можетъ быть вы любите литературу, много читаете, или посвятили себя исключительно какимъ-нибудь наукамъ.

Швейковской.

Я книгъ въ руки не беру и ничему не учился.

Графиня.

Такъ охотитесь....

Швейковокой.

И того нѣтъ. Однажды, я пошолъ-было съ ружьемъ, да только-что вышелъ, такъ стало скучно, что вернулся назадъ. И въ самомъ дѣлѣ, что за радость мучить себя, мѣсить грязь по болоту, чтобъ убить какую-нибудь утку или зайца, которыхъ можно купить.

Графиня.

Ну такъ вѣрно вы охотники до лошадей, любите верховую ѣзду?

Швейковской.

Я въ лошадяхъ не знаю толку, а верхомъ ѣзжу очень рѣдко, да и то по большой части дремлю на седлѣ.

Графиня.

Послушайтесь меня; поживите здѣсь, принудьте себя ѣздить въ общество и вы увидите, что всѣ эти дурныя привычки оставятъ васъ.

Швейковской.

Не думаю, графиня; видно мнѣ ужь такъ на роду написано, чтобъ я боялся людей и бѣгалъ отъ нихъ, а между тѣмъ жилъ бы всегда чужимъ умомъ и подчинялся первому, кто захочетъ повелѣвать мною.

Графиня.

Странно; но я все-таки не отчаяваюсь въ вашемъ исправленіи, потому что въ васъ есть все, изъ чего дѣлаютъ порядочныхъ людей.

Швейковской.

Благодарю покорно; только врядъ ли сбыться вашему предсказанію.... Но, я забылся съ вами: мнѣ кажется, что, для перваго раза, мое посѣщеніе слишкомъ продолжительно, а тѣшить одного себя не должно. Итакъ, я оставляю васъ; буду только просить позволенія иногда заѣзжать къ вамъ, чтобъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

Графиня.

Не только позволяю, но прошу васъ объ этомъ. По четвергамъ ко мнѣ съѣзжаются вечеромъ мои добрые знакомые; будьте въ числѣ ихъ; впрочемъ и въ другіе дни я буду съ удовольствіемъ принимать васъ.

Швейковской.

Такъ ужь позвольте мнѣ ѣздить къ вамъ въ эти другіе дни. Мнѣ, право, будетъ ловчѣй и привольнѣй съ одними вами.

Графиня.

Итакъ, до свиданія (сдѣлавъ шага два за нимъ, возвращается на авансцену и останавливается въ раздумьи, опершись о спинку кресла).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Графиня и Даша.

(Даша выбѣгаетъ изъ боковыхъ дверей и хохочетъ отъ всей души).

Графиня.

Это еще что̀? Позволь узнать чему обрадовалась?

Даша.

Да какъ же не смѣяться, графиня. Господинъ-то этотъ....

Графиня (перебивая ее).

Даша, я избалова тебя; ты много себѣ позволяешь, но всему есть мѣра. Кто тебѣ далъ право судить о моихъ знакомыхъ?

Даша (про себя).

Вотъ еще новые узоры (показываетъ видъ, что очень огорчилась).

Графиня (подходитъ къ ней и кладетъ ей руку на плечо).

Даша, я не сержусь на тебя, но помни замѣченіе, которое я тебѣ сейчасъ сдѣлала (треплетъ ее ласково по щекѣ). Ну, ступай шалунья, къ себѣ, и примись сейчасъ за мою берточку, которую я тебѣ велѣла перешить. Если понадобишься, я вѣлю позвать тебя. Понимаешь?

(Даша уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Марья Павловна (входитъ съ другой стороны).

Марья Павловна.

Видишь какъ я поторопилась: пріѣхала прежде чѣмъ думала; поѣздку въ ряды я отложила до другаго дня, а знакомыхъ, къ

счастію, никого не застала. Да, я забыла: сейчасъ у твоего подъѣзда я встрѣтилась съ какимъ-то господиномъ, который выходилъ отъ тебя и, по его дивнымъ поклонамъ, я догадалась, что это долженъ быть твой чигринской гость.

Графиня.

Ты не ошиблась; онъ только-что вышелъ отсюда.

Марья Павловна (снимая перчатки).

Ну, разсказывай же скорѣй.

Графиня.

Мери, я никогда не имѣла для тебя никакой тайны... дай руку, слышишь, какъ у меня бьется сердце?

Марья Павловна.

Что̀ жь это значитъ? Неужели этотъ господинъ умѣлъ такъ взволновать тебя?

Графиня.

Не онъ, а тотъ, кого онъ мнѣ напомнилъ. О! это цѣлая исторія, которую я хочу, чтобъ ты знала. Но прежде покончимъ въ нѣсколькихъ словахъ съ моимъ теперешнимъ обожателемъ: онъ, моя милая, совсѣмъ не такъ смѣшонъ какъ я воображала. Конечно, онъ дикъ, необразованъ, всё въ немъ отзывается глушью, въ которой онъ жилъ; но у него много природнаго ума и столько откровенности, что онъ не только не скрываетъ своихъ странностей, но, какъ нарочно, выставляетъ ихъ напоказъ и очень мило шутитъ надъ собою. Рѣчь у него, правда, не блеститъ изящностью: ему случается отпускать такія слова, которыя вовсе не приняты между нами. Но все, что̀ онъ ни говоритъ, сказано такъ добродушно и такимъ пріятнымъ голосомъ, что ему невольно прощаешь многое. Я еще не рѣшила, каковъ онъ собой; долженъ быть однако не дуренъ, если при его костюмѣ и манерахъ онъ не показался мнѣ отвратительнымъ. Были даже минуты, когда мнѣ приходила мысль, что стоило бъ только одѣть его иначе да поучить держать себя, чтобъ изъ него вышелъ очень красивый мужчина. Но, что̀ въ немъ замѣчательнѣе всего—такъ это его глаза, полные благородства, доброты и выраженія, глаза, которымъ позавидовалъ бы не одинъ изъ нашихъ прелестниковъ, такъ наду-

тыхъ собою. Онъ вѣроятно будетъ часто у меня; ты скоро съ нимъ встрѣтишься и надѣюсь, что мы будемъ съ тобой одного мнѣнія объ немъ.

Марья Павловна.

Право, ты удивляешь меня. По всему, что̀ я слышу, мнѣ кажатся, что дѣла г. Швейковскаго приняли очень выгодный для него оборотъ.

Графиня.

Не знаю еще сама: время и дальнѣйшее знакомство покажутъ, что̀ изъ этого можетъ выйдти; но оставимъ это и перейдемъ къ тому, что я назвала моею исторіей.—Сядемъ *. Ты знаешь, что я вышла замужъ безъ любви, но не прошло много времени какъ мнѣ привелось узнать её: нашолся такой человѣкъ, отъ котораго у меня въ первый разъ забилось сердце, который долго занималъ одинъ мои мысли и теперь еще не забытъ мною. Кто онъ, откуда? не знаю. Хорошъ ли собой? и того не могу сказать.

Марья Паловна.

Ты ужь начинаешь говорить загадками.

Графиня.

А между тѣмъ, оно такъ и есть, потому что я его видѣла только въ маскѣ. Вотъ какъ это случилось: два года тому назадъ, мой мужъ былъ ужь такъ болѣнъ, что онъ не только не выходилъ изъ своей комнаты, но даже не покидалъ большихъ креселъ, въ которыхъ онъ лежалъ обложенный подушками. Мнѣ надо было сидѣть у него, давать ему лѣкарства, играть тихонько на фортепіано, а иногда читать для него такія вещи, отъ которыхъ краска у меня выступала на лицо; такъ проходилъ весь день; но вечеромъ графъ ложился спать очень рано, и тогда я могла урывками навѣщать моихъ знакомыхъ.—Однажды одна изъ моихъ пріятельницъ уговорила меня ѣхать съ нею въ маскарадъ. Мы послали взять домино, и въ половинѣ двѣнадцатаго были уже въ залѣ благороднаго собранія, гдѣ въ тотъ вечеръ давался маскарадъ. Народу

* Этотъ разсказъ, какъ нѣкоторыя тирады, были по возможности сокращены мною въ то время, когда я думалъ еще, что моя піеса годится для представленія. Но тѣ изъ моихъ пріятелей, которые хорошо знаютъ это дѣло, увѣрили меня, что она принята *не будетъ*. И потому, воздержась отъ напрасной попытки представлять ее комитету драм. цензуры, я призналъ за лучшее оставить всё въ первоначальномъ видѣ.

было бездна, тѣснота ужасная; мы съ трудомъ пробирались сквозь толпу. За нами, съ самаго входа, шелъ, но въ нѣкоторомъ разстояніи, высокой мужчина въ домино и въ маскѣ, и всякій разъ какъ я оглядывалась назадъ, а это случалось довольно часто, я видѣла, что его блестящіе глаза, такъ-сказать, впились въ меня, и странное дѣло! даже не видя его, я чувствовала на себѣ его взглядъ...

Марья Павловна (въ полголоса, и какъ бы говоря сама съ собою).

Чувствовала! просто, знала, что онъ смотритъ на тебя.

Графиня.

Не перебивай пожалуйста.—Мы проходили этакъ больше часу, не встрѣчая или, лучше, не узнавая никого изъ своихъ знакомыхъ. Насъ много интриговали, т.-е. напѣвали намъ пискливымъ голосомъ самыя незатѣйливыя пошлости. Наконецъ намъ это надоѣло и мы ужь собирались ѣхать домой, какъ къ моей пріятельницѣ подошла какая-то женская маска и шепнула ей нѣсколько словъ на ухо. Та, обернувшись ко мнѣ, сказала: «не подосадуй пожалуйста, если я оставлю тебя не больше какъ на десять минутъ; мнѣ непремѣнно нужно переговорить съ однимъ человѣкомъ. Сядь покуда, чтобъ я умѣла тебя найдти, а бояться здѣсь тебѣ нечего». Но она ошиблась; не успѣла она отойдти, какъ ко мнѣ подлетѣлъ какой-то франтъ, раздушеный водкою. Онъ былъ безъ маски, въ домино и шляпѣ. Видно было, что обильныя возліянія, не знаю въ честь кого или чего, придавали ему необыкновенную смѣлость. Считая меня, Богъ знаетъ кѣмъ, онъ началъ мнѣ говорить такія слова, которыхъ я не могла слушать; я хотѣла уйдти, онъ силой удержалъ меня; я со слезами почти просила его оставить меня въ покоѣ; но ничто́ не дѣйствовало на него. А между тѣмъ, неподалеку отъ насъ, сидѣло нѣсколько мужчинъ, которые видѣли это, и ни одинъ изъ нихъ и не подумалъ защитить бѣдную женщину; какъ вдругъ мой незнакомецъ, тотъ, о комъ я говорила сей часъ, поспѣшно подошелъ къ намъ, и, очевидно, съ умысломъ, наступилъ на ногу моему гонителю. Тотъ вскрикнулъ отъ боли и съ живостью сказалъ: «вы мнѣ раздавили ногу и не извиняетесь»,—въ отвѣтъ на это, противникъ его, кинувъ на него презрительный взглядъ, сказалъ ему шопотомъ, такъ что я съ трудомъ могла разслушать: «извиняться не намѣренъ, а впрочемъ я къ вашимъ услугамъ».— И они ушли. — Представь себѣ мое положеніе, мой ужасъ! Изъ-за меня дуель, которая могла кончиться смертію человѣка. Но не прошло

и трехъ минутъ, какъ мой защитникъ воротился и, подойдя́ ко мнѣ, самымъ почтительнымъ тономъ сказалъ мнѣ въ полголоса: «позвольте мнѣ остаться при васъ до возвращенія вашей подруги. Ради Бога, имѣйте довѣріе ко мнѣ; вы не раскаетесь въ этомъ».— Что̀ мнѣ сказать тебѣ еще? Мы остались вдвоемъ, просидѣли съ часъ вмѣстѣ покуда воротилась моя знакомая, и—во все это время бесѣда не прерывалась между нами. О чемъ мы говорили? Нужно ли разсказывать это подробно, и къ чему? Могу ли я передать выраженіе его взгляда? Могу ли дать понять тебѣ увлекательные звуки его голоса и ту неподдѣльную искренность, которая невольно вселяетъ въ насъ убѣжденіе?—Дѣло въ томъ: что онъ любилъ меня, когда еще я была дѣвушкой; но, завися отъ отца, строгаго и непреклоннаго человѣка, который имѣлъ для него другіе виды, не надѣясь побѣдить его упрямства, онъ отказалъ себѣ даже въ удовольствіи познакомиться со мною; потомъ, въ пребываніе свое въ Петербургѣ, когда смерть отца сдѣлала его уже свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ вдругъ узналъ о моемъ замужествѣ, и въ отчаяніи уѣхалъ за границу; онъ думалъ разсѣяться, забыть меня, но отсутствіе лишь только усилило его любовь.—Не задолго передъ тѣмъ онъ возвратился въ свое отечество,—и за часъ только до нашего свиданія въ маскарадѣ пріѣхалъ въ Москву. «И теперь, продолжалъ онъ, я не буду домогаться счастія быть приняту вами. Вы за мужемъ; у васъ другія обязанности, и я счелъ бы безчестною самую попытку отклонить васъ отъ вашего долга. Одно утѣшеніе, которое я себѣ позволю, будетъ состоять въ томъ, чтобы встрѣчать васъ иногда въ публичныхъ собраніяхъ. Я не сниму маски, не скажу моего имени, потому что это было бы дѣйствовать косвенно въ томъ смыслѣ, который я охуждаю; но если и безъ того, вы узнаете меня, о! это будетъ для меня верхъ счастія! Тогда я могу обманывать себя, могу думать, что вы обратили на меня вниманіе и чувствуете по крайней мѣрѣ состраданіе къ моей любви».—На опасенія, которыя я обнаружила передъ нимъ на счетъ дуели, онъ отвѣтилъ мнѣ съ усмѣшкою: «Не безпокойтесь, ничего не будетъ. Этотъ господинъ, видя что я не подаюсь на извиненія, не погнался за ними, а сказавъ только, что, впрочемъ, дуели и не въ его правилахъ, ушолъ».—Ты можешь понять, какое впечатлѣніе оставила во мнѣ эта встрѣча; я только объ ней и думала: она сдѣлалась для меня единственною, неотступною мыслію,—я начала посѣщать театры, принимала приглашенія на балы: мой мужъ пересталъ

противиться этому, лишь бы только я не оставляла его безъ моихъ попеченій во время дня. Входя въ ложу или въ бальный залъ, я окидывала вездѣ глазами—и не находила *его*. О! я бы узнала его навѣрное. Короче, вся зима прошла въ безполезныхъ поискахъ съ моей стороны; я его больше не встрѣчала; онъ исчезъ. Иногда сердце у меня сжималось отъ ужаса; я думала, что дуель состоялась, что онъ, можетъ-быть, убитъ, а то, что̀ онъ сказалъ мнѣ объ этомъ, было сказано только для того, чтобъ успокоить меня. Вотъ кого, моя милая, по глазамъ и по голосу, мнѣ напомнилъ Швейковской.—Ну, я кончила; что̀ ты думаешь объ этомъ?

Марья Павловна.

Милый другъ мой, все это очень естественно. Съ твоимъ впечатлительнымъ умомъ, съ сердцемъ воспріимчивымъ и которое томилось въ томъ ужасномъ спокойствіи, какимъ насъ надѣляетъ равнодушіе, ты, во что̀ бъ ни стало, желала выйдти изъ этого оцѣпененія, тебѣ хотѣлось жить, чувствовать, и вотъ тебѣ является твой незнакомецъ; его глаза плѣнили тебя, голосъ очаровалъ, то, что̀ онъ говорилъ, дошло до души твоей, и сердце твое, ужь подготовленное къ этому, вспыхнуло. Пигмаліонъ оживилъ статую, ты позаботилась для себя одушевить призракъ. Но все это кончится, какъ кончаются такія встрѣчи. Погорюешь, помечтаешь нѣсколько времени—и потомъ забудешь; уцѣлѣетъ только то смутное воспоминаніе, какое бываетъ въ насъ послѣ очаровательнаго сновидѣнія. Итакъ, оставимъ тѣнь и возвратимся къ дѣйствительности, которая намъ представляется въ лицѣ Швейковскаго.... Мы однѣ; насъ никто не слышитъ, скажи мнѣ, безъ увертокъ, какъ бы сказала самой себѣ. Думаешь ли ты, что это дѣло пойдетъ на ладъ, какъ говоритъ твой дядюшка?

Графиня (дѣлаетъ головой утвердительный знакъ).

Марья Павловна.

То-есть да; не такъ ли?

Графиня.

Кажется. Вотъ видишь ли какъ я разсуждаю объ этомъ: онъ не дуренъ собой, будетъ еще лучше, потому что станетъ одѣ-

ваться прекрасно; я берусь за это: на него будетъ шить первый портной въ городѣ; выучить его ходить и кланяться немудрено; но въ немъ слишкомъ много ума и благородства, чтобъ онъ захотѣлъ добровольно быть посмѣшищемъ для общества. Онъ знаетъ, что онъ не умѣетъ говорить—будетъ молчать и по возможности бѣгать отъ людей, какъ дѣлалъ до сихъ поръ. По его же словамъ, ему суждено жить чужимъ умомъ; подчинясь мнѣ, онъ исполнитъ свое призваніе: жизнь для него будетъ безпрерывнымъ кейфомъ; никакая забота не омрачитъ его спокойствія, а я ему дамъ столько счастья, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ доволенъ своею судьбой. Чего же больше?..

Марья Павловна.

Молчи, идутъ.

(Иванъ, какъ дрессированый оффиціантъ, кашлянувъ предварительно за дверью, растворяетъ обѣ ея половинки).

Ваше сіятельство, кушать подано (уходитъ).

Графиня.

Пойдемъ обѣдать, а ставъ изъ-за стола, мы опять поговоримъ объ этомъ.

(Занавѣсъ опускается).

Между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіемъ проходитъ около трехъ мѣсяцевъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ великолѣпно убранную гостинную въ домѣ Швейковскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иванъ (въ фартукѣ съ плюмо въ рукахъ обметаетъ пыль съ мебели и съ вещей).

Вчерашняя свадьба совсѣмъ съ ногъ сбила. Что хлопотъ-то, хлопотъ-то было; а тутъ вставай; чѣмъ свѣтъ и убирай комнаты;

ну, да можно и отдохнуть, господа еще не скоро встанутъ (разваливается на диванѣ). Какъ подумаешь! чего не бываетъ на свѣтѣ! Вотъ хоть бы нашъ новый баринъ; вѣдь какимъ до свадьбы казался фофаномъ! Жалко бывало смотрѣть на него; а только-что пріѣхалъ изъ-подъ вѣнца, брр... откуда что̀ взялось! переродился, какъ въ сказкахъ говорятъ: молодцомъ обернулся; и ходитъ не такъ и говоритъ иначе; видно продувной дѣтина!—а наша-то поглядываетъ на него да дивится. Ей больно это не по нутру; думала выйдти за олуха да прибрать его къ рукамъ, анъ поди-ка какой принцъ вышелъ. Диво еще, что они вчера не поссорились, а ужь нынче кутерьмы не миновать; вотъ также съ покойникомъ-графомъ; мало ли у нихъ бывало шуму, покуда у того еще ставало голосу. Съ нами-то, съ прислугой она... ничего; грѣхъ сказать, а ужь съ мужемъ бѣдовая была баба.

ЯВЛЕНІЕ II.

Иванъ и Даша.

Иванъ.

Дарья Никифоровна, наше почтеніе, а вы ужь встали?

Даша.

Да кабы не встала, не пришла бы сюда.

Иванъ.

Это точно, ваша правда-съ. Что̀ скажете о нашей свадьбѣ; важно было, всего вдоволь и я тутъ много участвовалъ: а васъ это не прельщаетъ?

Даша.

Что̀ такое?

Иванъ.

Да вѣнчальные-то обряды. Вотъ кабы пошли за меня, нарядились бы подъ вѣнецъ какъ куколка; всѣ бы стали пялить глаза на васъ. Давай дорогу, невѣста идетъ.

Даша.

И вправду, ты дѣло говоришь; я ужь и сама объ этомъ подумала—и почти рѣшилась.

Иванъ.

Неужто въ самомъ дѣлѣ?

Даша.

Да, къ тому жъ мнѣ очень приглянулся Павелъ Швейковскаго.

Иванъ.

Полно-те этакъ шутить.

Даша.

Нисколько не шучу; малой онъ молодой, изъ себя красивый и бойкой такой: не тебѣ чета.

Иванъ.

Да что, вы убить меня что ли хотите? такъ ужь лучше возьмите полѣно да царапъ по лбу, и конецъ дѣлу. Я и то не опомнюсь, ошалѣлъ совсѣмъ...

Даша.

Полно, полно, утѣшься; я пошутила, за Павла не пойду, хоть бы и хотѣлъ. Я почище его себѣ найду.

Иванъ.

Большое мнѣ утѣшенье.

Даша.

Ну да это буки когда-то будутъ, а я къ тебѣ пришла за дѣломъ. Вчера барыня, отпуская меня, приказала мнѣ повидаться съ тобою и сказать, чтобы ты велѣлъ Антону приготовить ея карету и лошадей къ десяти часамъ: она куда-то хочетъ ѣхать.

Иванъ.

Скажите пожалуста; а баринъ тоже приказалъ мнѣ сказать Антону, чтобъ онъ не закладывалъ барыниной кареты безъ его приказа.

Даша.

Вотъ какъ! Ну да это не наше дѣло; пускай перевѣдываются между собой, а я пойду, скажу ей, что̀ отъ тебя слышала.

ЯВЛЕНІЕ III.

Иванъ одинъ.

И выходитъ по моему: сказалъ будетъ кутерьма—вотъ и заварилась каша. Гм... и меня раздумье беретъ; ужь полно жениться ли мнѣ? Къ чему, съ какой радости? Эка невидаль эта Дашка. Такъ, тряпичка, скоро износится, а туда же подымаетъ носъ, чуфарится; вишь отъ меня водкой несетъ. Ужь больно деликатны, сударыня. А это она врётъ, что не пойдетъ за меня; пойдетъ не бось, знаетъ гдѣ раки зимуютъ. Только захочетъ тоже муштровать меня; такъ я покорный слуга; не хочу быть у женѣ подъ башмакомъ. А! да баринъ-то ужь всталъ (подходитъ къ Швейковскому). Не угодно ли, сударь, чего приказать мнѣ?

Швейковской.

Поди вонъ.

Иванъ.

Слушаю-съ (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Швейковской.

Кто не скажетъ, что моя завидная доля! Я достигъ своей цѣли, женился на той, которую любилъ. Но что̀ жь изъ этого? Буду ли я счастливъ? Съумѣю ли пріобрѣсть столько вліянія надъ ней, чтобъ ее исправить. Увидимъ, а не удастся, я исполню то, что мнѣ велитъ сердце, и она, по крайней мѣрѣ, будетъ счастлива по своему.

ЯВЛЕНІЕ V.

Швейковской и Надежда Николаевна. Надежда Николаевна (въ пеньюарѣ выбѣгаетъ изъ боковыхъ дверей и, кажется, очень разгнѣванною).

Что̀ это значитъ, Александръ Михалычъ? Вы поступаете ужь

слишкомъ по-чигрински. Какъ! вы запрещаете моимъ людямъ слушаться меня?

Швейковской.

Кто сказалъ тебѣ? Напротивъ, я хочу, чтобъ наши люди слушались насъ обоихъ.

Надежда Николавна.

Но васъ, кажется, больше чѣмъ меня, потому что вы имъ приказываете слѣдить за моими поступками и доносить вамъ: иначе какъ бы вы узнали, что я сегодня поутру хочу ѣхать со двора.

Швейковской.

Никто мнѣ не доносилъ; я былъ въ ближней комнатѣ, когда ты отдавала приказаніе своей горничной; а такъ какъ ты вчера, подъ предлогомъ головной боли, заперлась отъ меня, то, не смѣя нарушить твоего уединенія, я велѣлъ сказать кучеру, чтобъ онъ насчетъ экипажа дожидался вторичнаго приказанія, потому что я хотѣлъ прежде поговорить съ тобою.

Надежда Николавна.

Въ другихъ словахъ: моему господину и повелителю угодно, чтобъ я сидѣла дома.

Швейковской.

Ему угодно, моя милая, чтобъ ты имѣла къ нему сколько-нибудь дружбы и довѣрія.

Надежда Николавна.

Но довѣріе даютъ тѣмъ, кому вѣрятъ, а я вамъ не вѣрю.

Швейковской.

Почему же?

Надежда Николавна.

Почему? Странный вопросъ! Потому что вы ужъ разъ обманули меня. Къ чему эта смѣшная, глупая комедія, которую вы играли до сихъ поръ, и которая кончилась внезапнымъ превращеніемъ. Къ

какимъ жалкимъ средствамъ вы не погнушались прибѣгнуть, чтобъ обмануть меня.

Швейковской.

Это я вамъ объясню послѣ; у меня есть на то свои причины, но теперь же могу увѣрить васъ, что вы останетесь довольны моимъ объясненiемъ. Итакъ, оставимъ покуда прошедшее и поговоримъ о нашемъ настоящемъ положенiи.

Надежда Николавна.

О! мое настоящее ужасно! Я имѣла несчастiе выдти за васъ и участь моя не подвержена сомнѣнiю; съ вашей стороны дикiй, безсмысленный деспотизмъ, а съ моей — отчаянное сопротивленiе: вотъ что̀ ожидаетъ насъ... Конечно, мы разойдемся со временемъ; но теперь къ этому приступитъ невозможно; такой поступокъ вызвалъ бы слишкомъ непрiятные для насъ толки. И потому, уступая необходимости, мы будемъ покуда жить вмѣстѣ, подъ одною кровлей и вести безпрерывную войну.

Швейковской.

Успокойся, мой другъ; никто изъ насъ не будетъ повелѣвать, мы оба будемъ повиноваться разсудку. Выслушай меня: я люблю тебя, стало-быть, дорожу твоей любовью; а можешь ли ты любить человѣка, котораго-бъ ты стала презирать? потому что мужъ, который безусловно подчиняется женѣ, не можетъ отъ нее ждать ничего кромѣ презрѣнiя.

Надежда Николавна.

Вы кончили; теперь выслушайте меня въ свою очередь. Никто не скажетъ, чтобъ у меня было дурное сердце; но, правда, и вспыльчиваго, заносчиваго нрава; воспитанiе, которое мнѣ дали, не могло укротить его. Можетъ быть, сойдись я съ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ бы внушить мнѣ любовь и уваженiе, я бы исправилась. Но вышло напротивъ. Мое первое замужство лишь только ожесточило меня, и я не поклялась,—къ чему ведутъ клятвы, которыя мы видимъ, что нарушаютъ на каждомъ шагу! нѣтъ, лучше того; я дала себѣ слово вести себя какъ можно благоразумнѣе, но по собственнымъ соображенiямъ.

Швейковской.

Прекрасное намѣреніе, и въ такомъ случаѣ вы никогда отъ меня ничего не увидите кромѣ угожденій.

Надежда Николавна.

Но мысль одна, что есть человѣкъ, который присвоиваетъ себѣ право повелѣвать мною....

Швейковской.

Оскорбляетъ ваше самолюбіе, или лучше сказать, ваше тщеславіе, понимаю. Но повѣрь мнѣ, другъ мой, удовлетворенное тщеславіе не даетъ счастія, а напротивъ оставляетъ въ насъ непріятное ощущеніе, потому что оно всегда почти бываетъ сопряжено съ огорченіемъ для другаго.

Надежда Николавна.

О! вы со вчерашняго дня выучились говорить, я вижу это; или, по крайней мѣрѣ, умѣете прикрывать вашъ грубый произволъ ложнымъ добродушіемъ; но меня вы этимъ не проведете: я сказала и устою въ своемъ намѣреніи.

Швейковской.

Но сами того не замѣчая, вы ужь отступили отъ него.

Надежда Николавна.

Какимъ образомъ?

Швейковской.

Вы говорили сейчасъ, что намѣрены вести себя какъ можно благоразумнѣй и къ тому же вы боитесь людскихъ толковъ, потому что, только въ избѣжаніе ихъ, вы и соглашаетесь остаться со мной на нѣкоторое время, а я спрашиваю васъ: благоразуменъ ли, приличенъ ли, вашъ выѣздъ поутру на другой день послѣ свадьбы? точно вы хотите этимъ показать, что вы бѣгаете отъ мужа.

Надежда Николавна.

Но никто про это не узнаетъ.

Швейковской.

Будутъ знать у насъ въ домѣ.

Надежда Николавна.

Стало-быть, по вашему, я должна зависѣть отъ моихъ слугъ?

Швейковской.

Не отъ нихъ собственно, но, на бѣду, у нихъ есть языки; а такъ какъ они не всегда отличаются особенною преданностью къ своимъ господамъ и охотно подмѣчаютъ за ними, то всякое происшествіе, сколько-нибудь двусмысленное, перетолковывается ими, пускается въ свѣтъ съ значительными прибавленіями и доходитъ такимъ образомъ до общаго свѣдѣнія.

Надежда Николавна.

Чтò жь дѣлать! вы же виноваты въ этомъ: пѣняйте на себя. Зачѣмъ вы принудили меня своими поступками идти вамъ наперекоръ.

Швейковской.

Я знаю, или по крайней мѣрѣ догадываюсь куда вы хотите ѣхать: къ Марьѣ Павловнѣ?

Надежда Николавна.

А еслибъ и къ ней?

Швейковской.

Но вы конечно не забыли, что она обѣщалась быть у насъ во второмъ часу.

Надежда Николавна.

Я хочу видѣть ее теперь.

Швейковской (усмѣхаясь).

Васъ беретъ нетерпѣніе пожаловаться на меня, о! Боже мой, сколько угодно. Я даже предупредилъ въ этомъ ваше желаніе, потому что съ часъ тому назадъ я послалъ къ ней моего Павла

съ запиской, въ которой прошу ее убѣдительно пожаловать къ намъ сейчасъ. Итакъ, еслибы вы поѣхали и теперь, то все-таки могли бы разъѣхаться съ нею.

(входитъ Иванъ).

Марья Павловна Подолинская (уходитъ).

Швейковской.

Вотъ видите?

Надежда Николавна.

Уладили, поставили на своемъ и довольны собою; но придётъ и мой чередъ, не всегда верхъ будетъ оставаться за вами.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Марья Павловна.

(Швейковской идетъ на встрѣчу Марьѣ Павловнѣ и цалуетъ у нее руку).

Марья Павловна, простите ли вы меня, что я васъ обезпокоилъ, но моя жена ждётъ васъ не дождется: она хочетъ вамъ жаловаться на меня и потому я оставляю васъ съ нею.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марья Павловна и Надежда Николавна.

Марья Павловна

Что̀! жаловаться? а я думала, напротивъ, найдти тебя въ восхищеніи и спѣшила полюбоваться на ваше счастіе. Вотъ ужь подлинно чудесное превращеніе! Знаешь ли, что твой мужъ вчера былъ просто очарователенъ. Какія манеры! сколько благородства и простодушія въ обращеніи! и какъ онъ дѣльно судилъ обо всемъ. Короче сказать; я отъ него безъ ума и, еслибъ не такъ любила своего мужа, то, право, полюбила бы его.

Надежда Николавна.

Какъ! ты одобряешь и его поступки со мною? Тебя не возмущаетъ его наглое притворство?

Марья Павловна.

Что жь дѣлать, мой другъ, если тебя надо принуждать быть счастливой по неволѣ!

Надежда Николавна.

Но, это подло.

Марья Павловна.

Это было бы верхъ подлости при другихъ обстоятельствахъ; но онъ богатъ, а ты почти ничего не имѣешь; стало-быть, не корыстолюбіе, а любовь побуждала его къ этому.... а любви прощается многое.

Надежда Николавна.

Мнѣ больно видѣть, Мери, что ты въ первый разъ не принимаешь къ сердцу моихъ огорченій.

Марья Павловна.

Огорченій, которыя ты себѣ создаешь сама—правда: я нисколько ими не тронута и вовсе не намѣрена потакать твоимъ причудамъ.

Надежда Николавна.

Гм. что и говорить! при твоемъ мягкомъ, уступчивомъ нравѣ, тебѣ трудно понимать меня. Неужели ты думаешь, что я, съ своей стороны, не умѣла оцѣнить его, когда онъ явился мнѣ въ своемъ собственномъ видѣ. Сейчасъ, передъ твоимъ пріѣздомъ, у насъ шла жаркая бесѣда, или лучше сказать споръ. Я сердилась, но глядѣла на него—и повѣрь, что не отъ одного гнѣва у меня билось сердце: непреодолимое чувство влекло меня къ нему, такъ что мнѣ большаго стоило труда побѣдить себя; а хорошабъ я была, еслибъ поддалась обольщенію и кинулась къ нему на шею.

Марья Павловна.

Ты была бы счастлива.

Надежда Николавна.

Нѣтъ, я была бы вполнѣ несчастна, потому что страдалабъ ужасно въ своей гордости, и проклиналабъ свое малодушіе. Но этого не будетъ. За удовлетвореніе такого безразсуднаго, ребяческаго чувства, какъ любовь, я не продамъ своей свободы.

Марья Павловна.

Прекрасно! Любовь, по твоему ребяческое чувство! Но скажи мнѣ, сдѣлай милость, какое же чувство прилично зрѣлому возрасту? Неужели ненависть? О! если такъ, то дай мнѣ Богъ, въ этомъ отношеніи, всегда остаться ребенкомъ.—Теперь кстати пришлось, я разскажу тебѣ, что̀ было со мной, когда я выходила и когда вышла замужъ. Женихъ мнѣ нравился — насъ помолвили. Какъ всѣ дѣвушки, которыя готовятся перейдти въ замужнее состояніе, я принялась мечтать, обдумывать, оглядывать со всѣхъ сторонъ мое положеніе. Цѣлый міръ очарованій разстилался передо мной, и что̀ за дивные чертоги строились въ моемъ воображеніи, чертоги, которые послѣ оказались воздушными за́мками. Изъ-подъ строгаго надзора я выходила на волю, на просторъ. Отъ жениха, который дышалъ только мною, который умѣлъ угадывать мои малѣйшія желанія, могла ли я ожидать чего инаго, какъ не пламеннаго, безпредѣльнаго обожанія? Ужь, вѣрно, думала я, онъ будетъ исполнять всѣ мои прихоти, за улыбку отъ меня готовъ будетъ пуститься на всякое сумазбродство. — И вотъ насъ обвѣнчали: женихъ мой сдѣлался моимъ мужемъ; но что̀ же вышло? Онъ не разлюбилъ меня, нѣтъ, напротивъ: онъ съ каждымъ днемъ больше привязывался ко мнѣ, окружалъ меня, какъ говорятъ, самыми нѣжными попеченіями, старался, какъ и прежде, доставлять мнѣ всѣ возможныя удовольствія... Но та бѣда, что онъ не во всемъ соглашался со мною. Первое противорѣчіе съ его стороны, не скажу чтобъ раздражило меня, гдѣ ужь мнѣ сердиться при моемъ малодушіи! но ужасно меня огорчило: я расплакалась. Мужу стало жаль меня, и къ тому же не находя, чтобъ мое тогдашнее желаніе могло имѣть важныя послѣдствія, онъ согласился, чтобы на этотъ разъ было сдѣлано по моему; и что̀ жь? Я не замедлила убѣдиться, что онъ былъ правъ, что его мнѣніе было лучше моего. Такіе случаи повторились между нами — и я одумалась, стала къ нему прибѣгать за совѣтами; а такъ какъ мнѣ ни разу не удалось ули-

чить его въ малѣйшемъ пристрастіи, то вѣрилась ему совершенно—и мы зажили душа въ душу. Повѣряя другъ другу всѣ свои мысли, всѣ желанія, мы обсуждали ихъ вдвоёмъ и всё клеилось у насъ, дѣла наши шли какъ нельзя лучше. Стало-быть справедлива поговорка: умъ хорошо, а два лучше.

Надежда Николавна.

Но Мери, ты не хочешь взять въ разсужденіе различія въ нашихъ характерахъ съ тобой, въ нашихъ склонностяхъ...

Марья Павловна.

Не скромничай, прибавь и въ нашихъ умственныхъ способностяхъ. Что и говорить! Ты не погрѣшима во всѣхъ своихъ сужденіяхъ. Есть еще у тебя свой конёкъ, своя любимая отговорка: твое первое замужство; оно-то несчастное и сгубило тебя; по милости его ты сдѣлалась своенравной и капризной. А попробуйка, прослѣди свою тогдашнюю жизнь, припомни всё какъ было, и можетъ быть окажется, что ты же высомѣріемъ и упрямствомъ довела своего перваго мужа до размолвки съ тобою.

Надежда Николавна.

Что ни говори, ты меня не передѣлаешь. Всякой идетъ своей дорогой, всякой ищетъ себѣ счастья тамъ, гдѣ предполагаетъ его. Я хочу независимости и добьюсь ее; мало того: я хочу быть старшей въ домѣ, и это сбудется: въ средствахъ у меня не будетъ недостатка. Я не скрыла отъ тебя, что я не равнодушна къ мужу, но онъ любитъ меня.... въ тысячу разъ больше: это кидается въ глаза; а влюбленный, извѣстно, тотъ же воскъ въ рукахъ женщины съ твердой волей и которая имѣетъ сколько-нибудь смѣтливости. Я не дамъ ему заснуть въ душевной безпечности; буду умѣть поддерживать въ немъ безпрестанныя опасенія на счотъ моей любви къ нему; ревность, которую я пробужу въ немъ, будетъ мнѣ сильнымъ союзникомъ—и ты увидишь, Мери, что не пройдетъ много времени, какъ мужъ мой будетъ у ногъ моихъ.

Марья Павловна.

Не вѣрится что-то; но смотри, чтобъ не погубить тебѣ на вѣкъ своего счастья.

Надежда Николавна.

Будь покойна.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Иванъ.

Иванъ.

Сейчасъ заѣзжалъ Ѳедоръ Лукичъ Мелезинъ: онъ только-что пріѣхалъ изъ Петербурга, но такъ какъ баринъ не приказалъ никого принимать, я сказалъ, что васъ нѣтъ дома.

Надежда Николавна.

Иванъ, знай и помни, что такія приказанія отъ барина относятся только къ его посѣтителямъ, а на счотъ моихъ, ты долженъ ждать приказаній отъ меня, понимаешь?

Иванъ.

Понимаю-съ. Ѳедоръ Лукичъ сказалъ еще, что онъ здѣсь не надолго и хочетъ непремѣнно съ вами видѣться; а такъ какъ онъ будетъ здѣсь проѣзжать опять черезъ полчаса, то хотѣлъ на-удачу заѣхать къ намъ.

Надежда Николавна.

Тогда проси его ко мнѣ.

Иванъ.

Слушаю-съ (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Надежда Николавна и Марья Павловна.

Марья Павловна.

Кто этотъ Мелезинъ?

Надежда Николавна усмѣхаясь.

Бѣлой и румяный купидонъ, кандидатъ на званіе льва перваго разряда. Я не сказала тебѣ что, съ мѣсяцъ тому назадъ, я ѣз-

дила дней на десять въ Петербургъ, Мелезинъ тогда только-что кончилъ курсъ въ университетѣ и вступалъ въ свѣтъ, онъ какъ-то мнѣ доводится съ родни. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ явился ко мнѣ—и тутъ же влюбился въ меня по уши. (Всторону) Ахъ! какая счастливая мысль!

Марья Павловна.

И ты, вѣрно, имъ порядочно поиграла?

Надежда Николавна.

Немножко.

Марья Павловна.

Что-жь, онъ объяснялся съ тобою?

Надежда Николавна.

Какъ же, безъ того не обошлось, и еслибъ ты видѣла еще съ какимъ жаромъ. Но въ самомъ пылу его деклараціи, когда онъ преумильно сжималъ руки и поднималъ глаза къ потолку, какъ бы призывая его въ свидѣтели чувствъ, которыя изливалъ передо мною—онъ такъ мнѣ показался смѣшонъ, что я не выдержала, расхохоталась какъ безумная, и тѣмъ прекратила его импровизацію,—но видно не любовь, потому что онъ продолжалъ также усердно ухаживать за мною.

Марья Павловна.

Онъ еще не знаетъ про твое замужство?

Надежда Николавна.

Вѣрно Иванъ ему сказалъ сейчасъ.

Марья Павловна.

Послушай, Надинь, ради Бога не кокетничай съ нимъ, теперь это можетъ не понравиться твоему мужу.

Надежда Николавна.

Большая мнѣ нужда.

Марья Павловна.

Гм! съ тобой не сговоришь; дѣлай какъ знаешь; но оставимъ это; мнѣ хотѣлось бы пробѣжать какой-нибудь журналъ: у тебя прежде водилась Indépandance.

Надежда Николавна.

Она у меня въ спальнѣ.

Марья Павловна.

Я схожу за ней и кстати попрошу твою Дашу сдѣлать для меня маленькую передѣлку (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Надежда Николавна и потомъ

Мелезинъ.

(Въ ближней комнатѣ со стороны входа слышны голоса и быстрые шаги).

Мелезинъ (за кулисами).

Нечего, Иванъ, обо мнѣ докладывать; ты знаешь, что и въ Петербургѣ я опережалъ тебя и входилъ безъ докладу. Ступай себѣ (онъ входитъ и у дверей еще низко кланяется Надеждѣ Николавнѣ). Кланяюсь вамъ, belle cousine, кланяюсь и благодарю; нечего сказать, славно отдѣлали. Какъ! Я лечу сюда, если не на крыльяхъ, то по крайней мѣрѣ въ вагонѣ, везу вамъ руку и сердце— пріѣзжаю — и что жь? На меня падаетъ эта ужасная вѣсть: она за мужемъ, меня какъ громомъ пришибло и право не знаю какъ я еще живъ.

Надежда Николавна.

Ничего, оправитесь, Богъ дастъ.

Мелезинъ.

О! я узнаю вашъ язвительный умъ: онъ ничего не щадитъ; но теперь, подсмѣиваясь надо мной, вы больше чѣмъ жестоки, вы безчеловѣчны.

Надежда Николавна.

Полноте городить вздоръ. Скажите, вы отъ Ивана узнали о моемъ замужствѣ?

Мелезинъ.

Нѣтъ, прежде еще: когда я вышелъ изъ вагона, то на платформѣ повстрѣчался съ однимъ изъ моихъ пріятелей и отъ него узналъ, что вы *посягаете* на бракъ съ какимъ-то выходцемъ изъ Чухлома, что̀ ли?

Надежда Николавна.

Нѣтъ, изъ Чигрина.

Мелезинъ.

Одно другаго стоитъ. Мой пріятель поразсказалъ мнѣ кое-что̀ про вашего муженька. Здѣсь никто его не знаетъ, никому не удалось съ нимъ встрѣтиться до сихъ поръ; онъ бѣгалъ отъ всѣхъ; но по слухамъ говорятъ, что онъ огромный чудакъ, чтобъ не сказать больше; и вы не повѣрите, cousine, какъ мнѣ было больно видѣть, что вы, цвѣтъ нашего общества, vous la belle des belles, жертвуете собой какому-нибудь степному увалью.

Надежда Николавна.

Вы забываете, что онъ мнѣ мужъ.

Мелезинъ.

Ужь не прикажете ли обожать его! (и вдругъ, увидавъ вошедшую Марью Павловну) ахъ! да мы не одни!

Надежда Николавна.

Она сейчасъ только вошла. Пойдемте, я васъ познакомлю съ нею, (подойдя къ Марьѣ Павловнѣ): Ѳедоръ Лукичъ Мелезинъ, мой родственникъ; Марья Павловна Подолинская, мой лучшій другъ (они раскланиваются).

Марья Павловна.

Вы, я слышала, не надолго къ намъ?

Мелезинъ.

На два, много на три дня.

Марья Павловна.

Жаль, а здѣсь, говорятъ, затѣваютъ множество баловъ.

Мелезинъ.

Ахъ! Марья Павловна, повѣрьте, что мнѣ не до баловъ; я ужасно какъ разстроенъ.

Марья Павловна.

Скажите пожалуйста, а я думала, что въ ваши лѣта объ весельи только и думаютъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и Швейковской.

(Надежда Николавна, оглянувшись и увидѣвъ вошедшаго мужа). Ah! cousin, мой мужъ; Ѳедоръ Лукичъ Мелезинъ. (Швейковскій кланяется очень сухо, Мелезинъ, вставивъ стеклышко въ глазъ, осматриваетъ его какъ дивнаго звѣря и говоритъ.) Съ нетерпѣніемъ ждалъ этого случая; вы не повѣрите до какой степени вы заинтересовали меня.

(Надежда Николавна, которая между тѣмъ отошла въ сторону, кличетъ Мелезина).

Cousin, подите сюда: мнѣ есть что-то вамъ сказать.

(Они ходятъ взадъ и впередъ въ глубинѣ театра и ведутъ, повидимому, очень оживленный разговоръ. Швейковской садится на авансценѣ возлѣ Марьи Павловны и разговариваетъ съ нею въ полголоса, поглядывая иногда на гуляющихъ).

Швейковской.

Скажите, Марья Павловна, что̀ вы думаете о моемъ преступленіи?

Марья Павловна.

Что оно.... не уголовное.

Швейковской.

Но для меня дорого ваше мнѣніе и потому я хочу вамъ ска-

зать, что если я дѣйствовалъ такимъ образомъ, то имѣлъ на то важныя, побудительныя причины....

Марья Павловна.

Не говорите, я догадываюсь; и повѣрьте, что я совершенно на вашей сторонѣ.

Швейковской.

Благодарю васъ, но будетъ ли прокъ въ моемъ подвигѣ?

Марья Павловна.

Не отчаявайтесь. При вашей добротѣ и при умѣ вашемъ, вамъ легко будетъ возвратить ее на путь истинный.

Швейковской.

Трудненько, Марья Павловна; сердце-то у ней хорошо и ума, пожалуй, вдоволь, да умъ-то этотъ выворочень на изнанку.

Марья Павловна.

Полюби она васъ, а я въ этомъ не сомнѣваюсь, и вы увидите, что все придетъ въ порядокъ.

Швейковской.

Дай Богъ, чтобы сбылись ваши слова.

(Въ это время Надежда Николавна, подведя Мелезина къ открытому окну, какъ бы желая подышать чистымъ воздухомъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы быть на глазахъ у мужа, говоритъ Мелезину въ полголоса).

Поцалуйте у меня руку.

Мелезинъ.

Какъ... при мужѣ!...

Надежда Николавна.

Поцалуйте у меня руку, говорю я вамъ... Это мнѣ нужно—а подумать ничего не могутъ: вы еще дитя.

(Мелезинъ цалуетъ у нее руку).

Надежда Николавна (вслухъ).

Хорошо, я прощаю на этотъ разъ, но впередъ, прошу васъ лучше исполнять мои порученія (смотритъ на него такъ, чтобы дать подумать мужу, что есть тайна между ними. Мелезинъ, растерянный, не понимая ничего, глядитъ на нее, какъ говорятъ, разинувъ ротъ).

Швейковской (въ сторону, смѣясь жолчно)

О! это ужь изъ рукъ вонъ: чтобъ бѣсить меня, она дурачитъ этого балбѣса.

Надежда Николавна.

Consin, вы знаете, что я съ вами безъ церемоній. У насъ сейчасъ будетъ маленькое совѣщаніе для обсужденія нѣкоторыхъ принадлежностей къ туалету, нашъ комитетъ будетъ состоять изъ Марьи Павловны, меня и моихъ двухъ горничныхъ. Итакъ, я оставляю васъ; пріѣзжайте къ намъ сегодня обѣдать

Мелезинъ.

Буду непремѣнно.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мелезинъ и Швейковской.

Мелезинъ (самонадѣянно со всѣми замашками выученнаго льва подходитъ къ Швейковскому).

Мой новый знакомецъ, почтеннѣйшій Александръ Михалычъ, скажите пожалуйста какъ у васъ поживаютъ въ Чигринѣ?

Швейковской.

Да такъ же какъ въ Петербургѣ—и тамъ порядочныя люди терпѣть не могутъ пустомель.

Мелезинъ,

А! это ужь что-то пахнетъ личностью. Не на мой ли счотъ вы говорите это?

Швейковской.

Я не мѣшаю вамъ думать чт̀о угодно.

Мелезинъ.

Но, наконецъ, это становится непріятно; вы меня оскорбляете....

Швейковской.

Отнюдь не намѣренъ; тѣмъ больше, что у меня есть до васъ маленькая просьба.

Мелезинъ.

Что такое?!!

Швейковской.

Вы замѣтили мой домъ?

Мелезинъ.

Я видѣлъ его, но въ немъ, кажется, нѣтъ ничего замѣчательнаго.

Швейковской.

Нужды нѣтъ; замѣтьте для того, чтобы никогда не переступать черезъ его порогъ.

Мелезинъ

Вы прогоняете меня....

Швейковской

Похоже на то.

Мелезинъ.

За чтò жъ такая немилость!

Швейковской.

Вы, можетъ быть, хорòшій человѣкъ, но вы еще молоды и не умѣете прилично вести себя.

Мелезинъ.

А если я васъ не послушаюсь и буду ѣздить не къ вамъ, а къ моей кузинѣ.

Швейковской.

О! тогда... я найду предлогъ и попрошу васъ прогуляться со мною.

Мелезинъ.

А! дуель? вотъ бы въ чужомъ пиру похмѣлье. Ха ха ха, да вы, я вижу, славный человѣкъ, прямодушны, откровенны въ полномъ значеніи слова; я самъ люблю откровенность и потому скажу вамъ по душѣ, что я нисколько не занятъ вашею супругой; у меня есть другая зазноба; я именно за тѣмъ и пріѣхалъ въ Москву.

Швейковской.

Это до меня не касается, это ваше дѣло; но помните чтò я вамъ сказалъ; честь имѣю кланяться.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Мелезинъ (одинъ, смотря въ слѣдъ ему).

О! да вотъ онъ какой: изъ лихихъ! Гм. экая вѣтреница эта Даша! знаетъ, что я здѣсь и не покажетъ глазъ, а я, думалъ, что хоть на минутку сойдусь съ ней и отдамъ ей мое письмо. Вотъ будетъ ликовать, зѣліе! поставила-таки на своемъ; однако надо поторопиться и переслать ей письмо хоть по городской почтѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Мелезинъ и Иванъ.

Иванъ.

Ѳедоръ Лукичъ, мое почтеніе. Здоровы ли, сударь?

Мелезинъ.

Слава Богу.... А! Иванъ, ты можешь мнѣ сослужить маленькую службицу.

Иванъ.

Что̀ угодно! извольте приказывать.

Мелезинъ.

У мен есть къ вашей Дашѣ письмо отъ ея двоюродной сестры, что̀ въ магазинѣ, въ Петербургѣ... ты помнишь?

Иванъ.

Какъ не помнить?

Мелезинъ

Вотъ (протягиваетъ руку, чтобъ отдать письмо и вдругъ останавливается) далъ бы я тебѣ и другое порученіе, да вѣдь ты кажется не знаешь грамоты?

Иванъ.

Началъ было учиться да остановился на покоѣ, и дальше не пошолъ.

Мелезинъ.

И хорошо сдѣлалъ, мой другъ, премудрость такая бездна, изъ

которой, попавши въ нее, не скоро вылѣзешь. Ну такъ передай, по крайней мѣрѣ, хоть это письмо Дашѣ, да ей самой въ руки и сейчасъ, пожалуйста не мѣшкай: я знаю, что она его ждетъ.

Иванъ.

Будьте покойны; сказалъ, такъ услужу.

Мелезинъ.

О Иванъ! ты добродушнѣйшій изъ смертныхъ.

Иванъ.

Благодаримъ, батюшка, за ласковое слово.

Мелезинъ.

Прощай мой другъ... Да,... скажи моей кузинѣ, что я забылъ: мнѣ никакъ нельзя у нее сегодня обѣдать. Да скажи также, что при множествѣ дѣлъ, которыя у меня на рукахъ, я можетъ быть буду принужденъ уѣхать изъ Москвы, не простясь съ нею.

Иванъ.

Скажусъ безпремѣнно.

ДѢЙСТВІЕ III.

(Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ проходятъ слишкомъ сутки).

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Надежда Николавна и Марья Павловна.

Надежда Николавна.

Ну, выдался мнѣ вчера денекъ! какъ говорятъ: le plus beau jour de la vie. Нечего сказать: дивное счастіе! Непріятность за непрі-

ятностью. Начать съ того, что мой дорогой супругъ бѣсилъ меня всѣми силами: то старался выказать свою власть надо мной, или читалъ мнѣ нравоученія, а тутъ, видно, припугнулъ порядочно этого бѣднаго Мелезина; тотъ приказываетъ мнѣ сказать, что не можетъ у меня обѣдать и уѣдетъ изъ Москвы, не простясь со мною.... А потомъ главное-то: твоя измѣна, ты перешла на другую сторону. О не говори, я знаю...

Марьа Павловна.

Хорошо, я буду говорить послѣ, досказывай.

Надежда Николавна.

А ныньче, видно, продолженіе вчерашняго; да, вѣдь ты еще не знаешь, Даши-то у меня больше нѣтъ.

Марья Павловна

Гдѣ жъ она?

Надежда Николавна

Сегодня поутру она приходитъ ко мнѣ, стоитъ передо мной и переминается, это всегда съ ней бываетъ, когда она хочетъ чего-нибудь у меня попросить. Что̀ тебѣ надо?—Да я пришла просить васъ, чтобы вы меня разочли.—Разчесть тебя?—Да-съ; моя тетинька, которая живетъ въ деревнѣ, очень больна; она пишетъ ко мнѣ и проситъ Христомъ да Богомъ, чтобъ я поскорѣй къ ней пріѣхала. Я ужь нашла и оказію. — Нечего дѣлать, отпустила ее, а жаль; я такъ къ ней привыкла.

Марья Павловна.

Мнѣ кажется, что она тебѣ наговорила вздоръ.

Надежда Николавна.

Я видѣла письмо.

Марья Павловна.

Здѣсь состряпали.

Надежда Николавна.

Не можетъ быть; на толстой бумагѣ и почеркъ ужасный, такъ и видно что изъ деревни.

Марья Павловна.

Ну, хорошо; узнаемъ послѣ, а теперь займемся твоимъ обвине-

ніемъ на меня: ты говоришь, что я тебѣ измѣняю, а я только о томъ и думаю, чтобъ устроить къ лучшему ваши взаимныя отношенія съ мужемъ. Онъ хладнокровнѣй, разсудительнѣй, я ему дѣлаю уступки; тебя я журю, потому что съ тобой такъ и надо; а конецъ-то всему будетъ тотъ, что ты же мнѣ скажешь спасибо.

Надежда Николавна

Увидимъ. А знаешь что̀ я сей часъ думала: какъ бы я была счастлива, еслибъ мой выборъ палъ на Мелезина! Этотъ ужь никакъ бы не вышелъ у меня изъ повиновенія. Ты не можешь себѣ представить какъ онъ меня любитъ; онъ передо мной точно идолопоклонникъ передъ своимъ Фетишемъ. На это нечего смотрѣть, что онъ дурачится и вставляетъ пышныя слова въ выраженіе своего горя: это у него такой тонъ; онъ хочетъ выказать свое удальство; вотъ, дескать, какъ мы умѣемъ умирать съ улыбкой на устахъ, а въ самомъ-то дѣлѣ, я увѣрена, что бѣдняжка въ ужасномъ отчаяніи и боюсь, чтобъ онъ не сдѣлалъ чего-нибудь надъ собою.

Марья Павловна.

Не бойся, пожалуста, я тебѣ ручаюсь за его жизнь, но не за разсудокъ, потому что у него никогда его не было.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Иванъ (онъ входитъ блѣдный и разстроенный).

Иванъ.

Былъ-съ у Марьи Ивановны, приказала благодарить и сказать, что Петру Никитичу сегодня немного полегче, но всё еще опасность не миновалась.... да позвольте мнѣ доложить вамъ нѣсколько словъ.

Надежда Николавна.

Что̀ такое?

Иванъ.

Гдѣ вы изволите думать Даша-то теперь?

Надежда Николавна.

Гдѣ? уѣхала къ теткѣ.

Иванъ.

Да-съ хороша тетка. Вотъ иду я по Тверской; ѣдетъ мнѣ на

встрѣчу коляска парой; я бы и не обратилъ на нее вниманія; мало ли проѣзжаетъ экипажей? Да у этой на передкѣ навалена куча чемодановъ, узелковъ и картонокъ, вотъ я и взглянулъ: и что̀ жъ вижу? сидитъ въ ней Ѳедоръ Лукичъ, а возлѣ него развалилась наше-то сокровище, Дашка; и вѣдь какъ разодѣта! шляпка на ней бѣлая съ перьями, салопъ диковинный. Тутъ случайно и она глянула въ мою сторону, увидала меня, да какъ прыснетъ со смѣху, и вѣдь этакая безстыжая рожа! сдѣлала мнѣ еще ручкой; вотъ такъ.

Надежда Николавна.

Ну, правду сказать, я никакъ бы не ожидала отъ неё этого.

Марья Павловна.

Оставь. Не стоитъ она, чтобъ объ ней думать; Богъ съ нею.

Иванъ (въ сторону).

Окаянный съ нею, прости Господи. Ужь не миновать ей тартарары, эхидна этакая! Да и я-то оселъ: самъ же подрадѣлъ ей письмецо отъ него; пойду хлѣбну съ горя (подойдя къ Надеждѣ Николавнѣ). Позвольте-съ мнѣ отлучиться часа на два: дѣло есть нужное.

Надежда Николавна.

Хорошо, ступай.

ЯВЛЕНІЕ III.

Надежда Николавна и Марья Павловна.

Марья Павловна.

Ну, что не правду я говорила; вотъ твой вздыхатель живъ и здоровёхонекъ.

Надежда Николавна.

Это еще ничего не значитъ; часто видали, что съ отчаянья люди пускались на самыя неожиданныя глупости....

Марья Павловна.

И отъ несчастной любви лѣчились пригожимъ личикомъ; не то-ли ты хочешь сказать?

Надежда Николавна.

Мери, ты несносна сегодня, я никогда еще не видала тебя такою злорѣчивой.

Марья Павловна.

Должно быть пристало отъ тебя. Но, полно; въ самомъ дѣлѣ, этотъ тонъ ко мнѣ нейдетъ. Поговоримъ лучше о дѣлѣ. Что̀ дѣлаетъ твой мужъ?

Надежда Николавна.

Съ ранняго утра заперся у себя въ кабинетѣ: у него сидитъ какой-то чиновникъ и они пишутъ что̀-то.

Марья Николавна.

А ты по чемъ это знаешь?

Надежда Николавна.

Видѣла въ замочную скважину.

Марья Павловна.

А! ты ужь подмѣчаешь за нимъ; это обѣщаетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Швейковской.

Швейковской.

Марья Павловна, какъ это любезно съ вашей стороны, что вы насъ не оставляете. Мнѣ нужно о многомъ поговорить съ женою, и я радъ, что вы будете при этомъ.

Марья Павловна

Напротивъ; не пріятнѣе ли бы вамъ было объясниться наединѣ.

Швейковской.

Нѣтъ, Марья Павловна, вы знаете какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ, а такъ какъ я намѣренъ дать, наконецъ, женѣ объясненіе въ моихъ поступкахъ, то желаю, чтобъ и вы слышали его (обращаясь къ Надеждѣ Николавнѣ). Не стану настаивать на моей любви къ тебѣ въ настоящее время: ты въ ней увѣрена; но узнай, что я люблю тебя ужь давно, что ты была моею первою и будешь, я увѣренъ, моею послѣднею любовью. Это я могу сказать, положивъ руку на сердце. Когда и гдѣ я зналъ тебя, скажется въ свое время, а теперь безполезно бъ растянуло мой разсказъ. Въ то время, какъ ты была еще замужемъ, я сошелся съ однимъ

изъ моихъ знакомыхъ, къ которому имѣю полное довѣріе. Онъ зналъ про твое житьё съ мужемъ, много разсказалъ мнѣ объ немъ и не скрою, что онъ приписывалъ тебѣ большую часть вины въ вашемъ несогласіи. Не нужно и сказывать, что вѣсть о твоемъ вдовствѣ ужасно взволновала меня. Всѣ мои завѣтныя думы, всѣ прежнія мечтанія воскресли въ душѣ моей и счастье, на одинъ мигъ, блеснуло передомной. Но, напуганный твоимъ характеромъ, не признавая въ себѣ средствъ обуздать его, предвидя, что наше соединеніе съ тобою повело бы насъ обоихъ къ несчастію, я преодолѣлъ себя и, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, рѣшился вести одинокую, безцвѣтную жизнь. Съ этимъ намѣреніемъ я съ полгода назадъ пріѣхалъ на житье въ Чигринъ, около котораго лежатъ мои главныя помѣстья.

Надежда Николавна (которая слушала это съ возрастающимъ вниманіемъ).

Такъ вы.... не всегда.... жили въ Чигринѣ?

Швейковской.

Нѣтъ, я таки постранствовалъ по свѣту; объѣхалъ всю Европу и однажды даже заглянулъ въ Америку; но это нейдетъ къ дѣлу,— твой дядюшка пріѣзжаетъ въ Чигринъ, мы съ нимъ знакомимся. Его родство съ тобою заставляло меня невольно искать въ немъ, но сердце у меня не лежало къ нему, потому что я не могъ его уважать....

Надежда Наколавна (перебивая).

Дядюшка однако пользовался здѣсь общимъ уваженіемъ.

Швейковской.

Въ свѣтѣ всегда уважаютъ богача, каковъ бы онъ ни былъ, покуда съ нимъ не имѣютъ дѣла. Я сказалъ и повторяю: что твой дядюшка ни въ какомъ отношеніи не заслуживаетъ уваженія. Я нашолъ въ немъ бездушнаго эгоиста, стараго сластолюбца, который, для удовлетворенія своихъ безумныхъ прихотей, готовъ всемъ жертвовать на свѣтѣ; пріѣхавъ въ Чигринъ, онъ влюбился тамъ въ одну молодую мѣщанку и дѣлалъ ей самые блестящія предложенія, но та, подъ руководствомъ тетки, умной и пронырливой женщины, отвергла его заманчивыя обѣщанія и поставила единственнымъ условіемъ то: чтобъ онъ женился на ней, и, при заключеніи брака, передалъ ей часть своего имѣнія, а остальное

укрѣпилъ бы за нею завѣщаніемъ; не вдругъ, но, наконецъ, онъ согласился на все. Это я знаю не отъ него: онъ медлитъ, сколько можетъ, разглаской своего безумства, но свѣдѣнія, которыя я собралъ объ этомъ, положительны и вѣрны какъ нельзя больше.

Марья Павловна.

Еслибъ не вы говорили это, я бы не повѣрила. Я знаю ея дядюшку и, хоть никогда не чувствовала къ нему особеннаго влеченія, но все же не считала его способнымъ къ такимъ поступкамъ.

Швейковской.

Къ несчастію это слишкомъ справедливо: событія подтвердятъ мои слова. Вы увидите, что это сбудется и въ скоромъ времени (обращаясь къ женѣ). Ты знаешь что твой дядюшка продалъ свое родовое имѣніе и купилъ другія, значительнѣйшія помѣстья. Остальное его богатство заключается въ наличномъ капиталѣ, въ разныхъ акціяхъ и въ оборотахъ по откупамъ; стало-быть, всё благопріобрѣтенное, и должно въ цѣлости перейдти его женѣ, а ты останешься ни съ чѣмъ. Эти обстоятельства измѣнили совершенно мои намѣренія. Вотъ что̀ я думалъ тогда: есть люди, которымъ суждено любить одинъ разъ въ жизни; я изъ числа ихъ. Мнѣ ужь подъ тридцать лѣтъ, и я довольно испыталъ себя, чтобъ быть увѣрену въ этомъ. Но ты, можетъ быть, подумаешь, что, не бывъ знакомымъ, никогда не говоривъ съ тобою, я не могъ любить тебя такъ страстно; ты очень бы ошиблась. Такая любовь, издали можно сказать, если бываетъ рѣдка, то пускаетъ за то корни въ сердцѣ глубже чѣмъ другая. я зналъ твои *черты*, слышалъ звуки твоего голоса, я упивался прелестью твоего взгляда и улыбки, а между тѣмъ ты все-таки оставалась для меня идеаломъ; недостатки твои не доходили до меня и я могъ безпрепятственно одарять тебя всѣми совершенствами. Впрочемъ вѣрь или не вѣрь, но моя любовь къ тебѣ была такъ сильна, что она слилась съ моимъ существомъ, сдѣлалась единственнымъ интересомъ моей жизни, видя что бѣдность неминуемо угрожала тебѣ, могъ ли я оставаться равнодушнымъ? и это мнѣ подало мысль....

Надежда Николавна.

Меня одурачить, не такъ ли?

Швейковской.

Пожалуй хоть и такъ: ты увидишь какимъ образомъ я тебя одурачилъ.

Марья Павловна.

Надинь, Надинь, это говоритъ не твое сердце и не твой разсудокъ, а какое-то безумное желаніе выказать себя не чувствительною.

Швейковской (продолжая).

Да, я хотѣлъ упрочить твою будущность, но для этого мнѣ надо было имѣть права, которыя могло мнѣ дать только супружество, и я рѣшилъ, что ты будешь моей женой, не смотря на средства, которыя долженъ бы употребить для этого. Передъ твоимъ дядюшкой я притворился влюбленнымъ въ тебя по портрету, который онъ показалъ мнѣ, потому что не хотѣлъ ему повѣрить моей душевной тайны; онъ, съ своей стороны, былъ готовъ сдѣлать тебѣ всякое добро, лишь бы только это не стоило ему ничего. И вотъ онъ началъ разсыпаться въ похвалахъ тебѣ: ты была несчастна, говорилъ онъ, въ своемъ первомъ замужествѣ и переносила все съ ангельскимъ терпѣніемъ такъ,—что и мужъ наконецъ отдалъ тебѣ справедливость. Онъ прибавлялъ—и это правда,—что, кромѣ красоты, каждое твое движеніе запечатлѣно особенной граціей, что у тебя доброе сердце, что ты благородна въ своихъ первыхъ порывахъ и нисколько не заражена корыстолюбіемъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ и про свое послѣднее свиданіе съ тобою, гдѣ ты объявила ему, что выйдешь опять замужъ не иначе какъ за человѣка, который согласился бы совершенно подчиниться тебѣ. Тутъ я открылъ ему мое намѣреніе попробовать счастья, поддѣлавшись подъ твои причуды; онъ съ жадностью ухватился за это, и мы вмѣстѣ составили то письмо, въ которомъ онъ описываетъ меня. Съ другою, я не принялъ бы на себя эту роль, потому что она была бы невозможна, но ты, истая аристократка, ты, которая знаешь свое отечество по двумъ только столицамъ и составила себѣ совершенно ложныя понятія о провинціи, ты должна была упасть въ мои сѣти,—и это случилось. Другая поняла бы, что, въ наше время и въ провинціи, человѣкъ, который имѣетъ порядочное состояніе, долженъ же получить какое-нибудь воспитаніе и не можетъ быть совершеннымъ олухомъ; она знала бы, что и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи жизнь идетъ теперь не такъ какъ прежде, что теперь и тамъ есть люди, которые могутъ стать въ уровень со всемъ, что̀ блеститъ у васъ въ обществѣ—разумѣется я говорю это не о себѣ—ты не знала этого, и—со всѣмъ твоимъ умомъ дала обмануть себя.

Надежда Николавна.

Но не я одна Мери ошиблась вмѣстѣ со мною.

Швейковской.

Нисколько. Марья Павловна, я увѣренъ, съ перваго разу догадалась, что тутъ есть притворство, но, видя мои добрыя намѣренія, молчала.

Надежда Николавна.

Прекрасно! Великодушно! У васъ истинно рыцарскія понятія: вы хотѣли мнѣ бросить золота, и думали, что я подыму его.

Швейковской.

Жена не можетъ, безъ добраго предлога, отказаться отъ щедрости своего мужа, потому что она, какъ бы показала этимъ, что она считаетъ себя недостойною награды.

Надежда Николавна.

Но вы не подумали о томъ, что вы измѣннически овладѣвали моею жизнью и отнимали у меня возможность найдти счастіе съ другимъ.

Швейковской.

При ложномъ направленіи твоихъ мыслей, ты могла сдѣлаться только добычей какого-нибудь вертопраха, который, влюбясь въ тебя, удовлетворилъ бы своей страсти, а потомъ жестоко вымѣстилъ бы на тебѣ свою минутную покорность, или покинулъ бы тебя, назначивъ тебѣ законное содержаніе; завидная участь!

Надежда Николавна.

Но, скажите, сдѣлайте милость, вы-то чтò жь придумали для доставленія мнѣ полнаго блаженства?

Швейковской.

Вотъ чтò: тебѣ нужна роскошь; ты любишь, чтобъ тебѣ завидовали, твои привычки создали для тебя кучу нуждъ, совсѣмъ ненужныхъ, но которыя тебѣ кажутся необходимыми; я тебѣ дамъ средства исполнять свои малѣйшія прихоти....

Надежда Николавна (перебивая).

Съ прибавкой ссоръ и брани; вѣроятно для того, чтобъ я не зазналась отъ избытка счастія.

Швейковской.

Зачѣмъ? Это можно устроить иначе; ты перебила меня, а то бы я предупредилъ твое остроумное замѣчаніе. Нѣтъ, мой другъ, я не ослѣпляю себя, я вижу ясно, что ты никакъ не можешь меня любить, или вѣрнѣй, не можешь оцѣнить моей любви, потому что тебѣ нужна не любовь, а раболѣпіе, рабомъ же быть я не хочу и не умѣю. Итакъ, ссоры съ тобою ровно ни къ чему не повели бы меня, а только, при моей любви къ тебѣ, истерзали ли бъ меня напрасно; присутствіемъ моимъ тоже обременять тебя не намѣренъ....

Надежда Николавна (перебивая).

Значитъ—уѣдете и все-таки комромметируете меня.

Швейковской.

Дай мнѣ кончить. Правда, я буду часто въ отлучкахъ, буду жить у себя въ деревнѣ, и, чтобъ имѣть передъ свѣтомъ предлогъ тамъ оставаться, заведу какую-нибудь фабрику; въ короткія же мои пребыванія здѣсь, мы будемъ видаться только по необходимости, хоть за обѣдомъ; но, при постороннихъ, я буду тебѣ оказывать столько любви и уваженія, что никому не придетъ на умъ дѣлать предположенія, обидныя на твой счетъ. Имя мое я тебѣ вручу съ полною увѣренностью, что ты сохранишь его безъ пятна, въ поступкахъ своихъ, какъ видишь, стѣснена мною не будешь, слѣдовательно исполнятся всѣ твои желанія.... Въ подтвержденіе же того, что все это сказано мною не на вѣтеръ, я ужь приступилъ къ дѣлу; вчернѣ написаны: дарственная запись на помѣстье, которое я тебѣ назначаю и на этотъ домъ, а также и документъ о передачѣ тебѣ долговыхъ обязательствъ и прочаго имущества, что̀ составитъ въ сложности половину моего состоянія. (смотритъ на часы) Теперь скоро двѣнадцать, самое мнѣ время ѣхать въ гражданскую палату, гдѣ все это утверждено будетъ законнымъ порядкомъ, и съ той минуты начнется для насъ та жизнь, о которой я говорилъ. Теперь я кончилъ. Марья Павловна, скажите, довольны ли вы мною?

Марья Павловна.

Мало сказать, что я васъ уважаю, я благоговѣю передъ вами; вы человѣкъ не нашего времени; великодушнѣй васъ я никого не знаю.

Швейковской

Благодарю васъ отъ души; мнѣ нужно было это утѣшеніе въ моемъ горѣ. Прощайте, до свиданія.

ЯВЛЕНІЕ V.

Надежда Николавна и Марья Павловна.

Марья Павловна.

И все это не трогаетъ тебя? Но нѣтъ, я вижу, ты блѣдна, у тебя слезы на глазахъ, стало быть ты начинаешь приходить въ себя.

Надежда Николавна.

Мери, я чувствую себя нехорошо, мнѣ хочется лечь, пойдемъ ко мнѣ въ спальню.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Иванъ (выходитъ со стороны внутреннихъ покоевъ).

Вотъ какія дѣла-то дѣлаются; лёгъ я это съ хмѣлю соснуть, прибѣгаетъ Настя, будитъ меня, ступай къ Марьѣ Павловнѣ, она тебя спрашиваетъ. Пошолъ, постучался у спальни, отперли мнѣ, а наша-то тамъ, я слышу, барахтается на кровати, пищитъ да воетъ, знать стерика одолѣла. Вотъ Марья Павловна мнѣ и говоритъ: Возьми, Иванъ лошадь, скачи къ доктору, скажи, что Надежда Николавна очень нездорова. Поскакалъ, доктора нѣтъ дома, сейчасъ только вернулся отъ него, пошолъ доложить. Опять Марья Павловна отворила мнѣ; и что жь я вижу? Господи, мой Творецъ! Наша-то ужь бѣгаетъ по комнатѣ, да шибко таково, какъ ни въ чемъ не бывало, только глаза краснехоньки, видно больно плакала. Какъ поглядишь, все-то у нихъ не по нашему; у

насъ болѣнъ, такъ болѣнъ, здоровъ, такъ здоровъ, а у нихъ и здоровъ и болѣнъ, всё въ одно время, поди ихъ разбирай! (смотрится въ зеркало). У! рожа-то не корыстна, да и на ногахъ-то еще не совсѣмъ твёрдъ, спаспбо не замѣтпли, а ужь тамъ, что ни говори, чудная вещь винцо! Хватилъ я порядкомъ, какъ рукой сняло; объ Дашкѣ забылъ и думать, пропадай она совсѣмъ! И вѣдь дура-то какая! Къ кому кинулась на шею? думаетъ попала въ барыни. Какъ же, смотри, онъ тебѣ утретъ носъ. Извѣстное дѣло, мальчишка, станетъ онъ съ нею долго валандаться! надоѣстъ, вытолкаетъ её въ шею, да ни синь пороху не дастъ. Ко мпѣ же, бестія, придетъ, умасливать станетъ: голубчикъ, Иванъ Терентьевичъ, такой сякой.... да нѣтъ, матушка, шалишь, не на того напала. Эдакъ съ высока гляну на неё, да укажу ей на дверь: убирайся, дескать, вонъ, а то, пожалуй, сердце возьметъ, такъ и пинкомъ попотчую куда ни попало (толкаетъ ногою стулъ, въ это время входитъ Марья Павловна).

ЯВЛЕНІЕ II.

Иванъ и Марья Павловна.

Марья Павловна.

Чтò это, Иванъ, на кого ты гнѣваешься?

Иванъ.

Ахъ! извините Марья Павловна, больно себѣ ногу зашибъ объ стулъ, такъ толкнулъ въ сердцахъ.

Марья Павловна.

Дѣло.—А что, Александръ Михалычъ еще не пріѣзжалъ?

Иванъ.

Нѣтъ еще-съ.

Марья Павловна.

Ну, теперь ты не нуженъ, можешь идти.

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья Павловна и Надежда Николавна.

Марья Павловна.

Вотъ этакъ лучше Надинь, здѣсь прохладнѣй: ты освѣжишься.

Надежда Николавна.

У меня вся голова въ огнѣ, ни что не освѣжитъ ее.... (помолчавъ) Можно ли быть несчастнѣе меня?

Марья Павловна.

Съ чего жь ты жалуешься? Ты хотѣла свободы, и вотъ ты свободна.

Надежда Николавна.

Но быть брошенной! есть ли что̀ ужаснѣе для женщины?

Марья Павловна

Конечно, бросить самой пріятнѣй, что̀ и говорить!

Надежда Николавна.

Мери, ты видишь какъ я страдаю, и имѣешь духъ смѣяться надо мной!

Марья Павловна.

А кто виноватъ? Счастье было передъ тобой, ты отвернулась отъ него. Пѣняй на себя.

Надежда Николавна.

И на бѣду мою я люблю его; поздно ужь въ этомъ запираться передъ тобой. Ты, я думаю, не хуже моего поняла изъ его словъ, что онъ и мой маскарадный незнакомецъ одно и тоже лицо, и я любила его въ двухъ видахъ; въ первомъ, сколько онъ мнѣ сто̀илъ безсонныхъ ночей; теперь я бѣшусь на него, а между тѣмъ, при каждомъ свиданіи, все больше привязываюсь къ нему, и жить врозны! а когда и вмѣстѣ, то сдерживать, подавлять безпрестанно свои чувства; ужасно! Мери научи, что̀ мнѣ дѣлать?

Марья Павловна.

Оставить гордость въ сторонѣ и дать ему почувствовать, что счастье еще возможно съ тобою.

Надежда Николавна

Но, какъ же? не винитьсяжъ передъ нимъ; ужь не просить ли у него прощенія?

Марья Павловна.

Что за вздоръ! ты очень знаешь, моя милая, что съ нимъ этого не нужно. Онъ не изъ тѣхъ, которые тѣшатся уничиженіемъ другого: онъ понимаетъ истинно достоинство, приличное человѣку, потому что самъ исполненъ имъ. Стоитъ только показать ему раскаяніе, но не поддѣльное, а то, которое невольно заставляетъ себѣ вѣрить,—и все еще можетъ быть исправлено. Но я предупреждаю тебя: теперь или никогда. Судьба твоя должна рѣшиться окончательно: при дальнѣйшемъ упорствѣ съ твоей стороны, совершенный разрывъ между вами неизбѣженъ. Подумай объ этомъ (отходитъ къ окну).

Надежда Николавна (разсуждая сама съ собою).

Какъ онъ былъ хорошъ въ самомъ негодаваніи на меня, и какъ этотъ глупый мальчишка Мелезинъ казался мнѣ ничтоженъ и смѣшонъ возлѣ него!

Марья Павловна.

Онъ пріѣхалъ; я ухожу: надо васъ оставить однихъ. Еслибъ неравно онъ спросилъ про меня, то скажи что... я занята чемъ-нибудь. Да онъ не спроситъ — ему не до меня. Courage chère amie! (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Надежда Николавна и Швейковской.

Швейковской.

Насилу отдѣлался; какъ гора съ плечъ свалилась (подходитъ къ женѣ), вотъ тѣ акты, о которыхъ я говорилъ.

(она отстраняетъ ихъ рукою).

Швейковской (кладетъ ихъ на столъ).

Надежда Николавна.

Итакъ, Александръ Михалычъ, мы стали ужь совершенно чужими другъ для друга; всё кончено между нами; но есть еще одно, чего вы не досказали: когда, два года тому назадъ, вы пріѣзжали въ Москву, вы.... были.... тогда въ маскарадѣ.

Швейковской помолчавъ.

Былъ—и вотъ слѣды его (заворачиваетъ рукавъ).

Надежда Николавна.

Рана? которую вы получили?...

Швейковской.

Въ то время.

Надежда Николавна.

И за меня! (кидается къ нему на грудь) О! я люблю тебя: нѣтъ больше во мнѣ силъ бороться съ моимъ сердцемъ. Александръ! я люблю тебя; я—я не могу безъ тебя жить. Не отвергай меня; ты увидишь какъ я перемѣнюсь; ты не узнаешь меня. Я буду тебѣ угодницей, служанкой, чѣмъ хочешь. Тебѣ не нужно будетъ словъ со мною; я по глазамъ твоимъ буду угадывать твои желанія.

Швейковской.

Богъ мой! неужели я могу еще быть счастливъ; не вѣрю ушамъ своимъ. Послѣ всѣхъ неудачъ, которыя я испыталъ въ жизни, мнѣ кажется, что ничего добраго со мною не можетъ случиться. Надинь, сердце мое сильно говоритъ за тебя,... я хочу тебѣ вѣрить. Но, другъ мой, ты впадаешь въ другую крайность: ты хочешь быть моею угодницей, служанкой; за чѣмъ это? Нѣтъ, рабство мнѣ вездѣ ненавистно; я не хочу притворныхъ заискиваній. Самъ Богъ вложилъ въ насъ желаніе разсудительной свободы, и никто не долженъ дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій; а между тѣмъ, супругамъ надо жить одною жизнію, стремиться къ однѣмъ цѣлямъ—и, если въ нихъ нѣтъ единодушія, то, конечно, имъ лучше разстаться. Я тебѣ обѣщаю соглашаться съ тобою всякой разъ, что тебѣ удастся убѣдить меня въ справедливости твоихъ желаній; дѣлай тоже съ своей стороны—и ты увидишь, мой другъ, какой рай мы себѣ устроимъ на землѣ. При взаимной довѣренности и любви мы станемъ смѣло встрѣчать и внѣшнія непріятности: онѣ будутъ разбиваться о наше домашнее счастіе.

Надежда Николавна.

Да, Александръ, такъ и будетъ; ты увидишь. Ахъ! еслибъ ты зналъ, мой другъ, какъ я страдала послѣ нашего свиданія въ маскарадѣ. Ты говорилъ тогда, что будешь встрѣчаться со мной въ публичныхъ собраніяхъ; я не только всю зиму проискала тебя

напрасно, но и послѣ никогда, нигдѣ не могла тебя встрѣтить; отчего это? что̀ сталось тогда съ тобою?

Швейковской.

У меня были сильные враги; меня оклеветали, представили опаснымъ человѣкомъ, и мнѣ былъ запрещенъ въѣздъ въ обѣ столицы, такъ что я былъ принужденъ уѣхать отсюда прежде еще чѣмъ оправился отъ раны. Но въ настоящее благословенное царствованіе клевета не долго торжествуетъ,—и я былъ оправданъ.

Надежда Николавна.

Все это прошло, слава Богу! и для насъ начнется новая жизнь. Но скажи мнѣ однако, другъ мой, къ чему жь теперь этотъ раздѣлъ между нами?

Швейковской.

Это дѣло конченное, и тѣмъ лучше. Ты станешь въ независимое положеніе и будешь распоряжаться своимъ добромъ какъ знаешь. Больше ни слова объ этомъ, я прошу тебя (цалуетъ у ней руку).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Марья Павловна.

Въ добрый часъ! Вотъ чего я ждала, миръ заключенъ, я вижу.

Надежда Николавна.

И я тебѣ обязана моимъ счастіемъ.

Марья Павловна.

Не мнѣ, а твоей любви къ мужу.

Швейковской (въ полголоса Марьѣ Павловнѣ).

Что̀ ни говорите, Марья Павловна, а ваше посредничество было не безъ пользы для насъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Иванъ

Швейковской (оглянувшись нечаянно и увидѣвъ Ивана, который смотритъ на него).

Что̀ ты, Иванъ, ко мнѣ?

Иванъ.

Да-съ, пріѣхалъ давишній чиновникъ: онъ говоритъ, что вы ему приказали явиться къ себѣ.

Швейковской.

Хорошо, проведи его ко мнѣ въ кабинетъ; я сейчасъ приду.

(Иванъ уходитъ).

Швейковской.

Нечего сказать, дѣльный человѣкъ. Я боялся, чтобы въ составленіе актовъ не вкралось чего, что̀ бы потребовало поправокъ и измѣненій; но нашли, что онъ всё сдѣлалъ какъ нельзя лучше. (женѣ) Пусть же радость, которою ты подарила меня, отзовется и на немъ; по русской пословицѣ: на разливаньи мёдъ пьютъ. (уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Надежда Николавна и Марья Павловна.

(По уходѣ мужа, Надежда Николавна, которая и въ предъидущей сцѣнѣ начинала уже задумываться, ходитъ по комнатѣ, какъ видно, въ сильномъ волненьи и раздумьи. Наконецъ Марья Павловна останавливаетъ её и беретъ за руку).

Ну, скажи, Надинь, не правда ли, у тебя теперь легко на сердцѣ?

Надежда Николавна (разсѣянно).

Конечно....

Марья Павловна.

И ты ужь вѣрно устоишь въ своихъ благихъ намѣреніяхъ?

Надежда Николавна (помолчавъ и какъ бы рѣшаясь съ трудомъ).

Мери.... выслушай меня безпристрастно; я люблю мужа, я постигаю теперь все счастіе, которое намъ даетъ любовь; взаимность въ ней очаровательна, не спорю; но эта взаимность не всегда остается въ одной силѣ; приходитъ время, когда одинъ изъ двухъ, не то что охладѣваетъ.... а, какъ бы сказать.... становится умнѣй, меньше поддается своимъ чувствамъ.

Марья Павловна.

Вотъ что! и, вѣрно, этой *умницей* будешь ты?

Надежда Николаевна

Почему жъ и нѣтъ? Согласись же однако, что мы не должны ограничивать себя однимъ настоящимъ, надо смотрѣть и вдаль; а вдали, признаться, перспектива для меня не слишкомъ утѣшительна. Какъ подумаешь, весь-то вѣкъ прожить чужимъ умомъ, всегда сообразоваться съ чужими желаніями, ужасно! Эта мысль не покидаетъ меня.

Марья Павловна.

Раненько она пришла къ тебѣ; но скажи пожалуйста, какъ же ты думаешь пособить своему горю?

Надежда Николаевна.

Ты понимаешь, что мужу моему было легко до сихъ поръ побѣждать свою любовь ко мнѣ, онъ почти меня не зналъ; а поживи онъ со мной — ты увидишь: я его такъ обдѣлаю, такъ съумѣю овладѣть имъ со всѣхъ сторонъ, что онъ, кромѣ меня, ничего не будетъ видѣть на свѣтѣ.

Марья Павловна.

Прекрасно, а потомъ ...

Надежда Николаевна.

Потомъ.... разумѣется дойдетъ и до того, что онъ нечувствительно привыкнетъ думать моими мыслями, смотрѣть на все моими глазами.

Марья Павловна.

Не дошло бы до того, чтобъ онъ бросилъ тебя.

Надежда Николаевна.

Нѣтъ, этого я теперь не боюсь.

Марья Павловна.

Хороша... Правду говоритъ пословица: каковъ въ колыбелькѣ—таковъ и въ могилку.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ

стр.	*строка*	*напечатано:*	*читай:*
20	14 св.	я избалова	я избаловала
22	6 сн.	какъ нѣкоторыя тирады	какъ и нѣкоторыя тирады
24	10 и 11 снизу	я могу обманывать себя, могу думать	я могъ бы обманывать себя, могъ бы думать.
55	12 и 13 св.	что она считаетъ себя	что считаетъ себя

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
HECKMAN
BINDERY INC.
AUG 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

